

ДЕТЕКТИВЫ ЭНН ГРЭНДЖЕР

В лучших традициях Агаты Кристи

НА ЗЛОДЕЕВ
ГЛАЗ НАМЕТАН

Лиззи Мартин и Бен Росс

Энн Грэнджер

На злодеев глаз наметан

«Центрполиграф»

2012

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)

Грэнджер Э.

На злодеев глаз наметан / Э. Грэнджер — «Центрполиграф»,
2012 — (Лиззи Мартин и Бен Росс)

ISBN 978-5-227-07599-4

В доме небогатой домовладелицы среди бела дня зверски убит ее жилец, мистер Тапли, тихий, скромный, безобидный человек. Маленький, тщедушный, всегда в одной и той же поношенной одежде, мистер Тапли был, однако, окружен какой-то тайной. Он обладал хорошими манерами, был прекрасно образован и, несмотря на жалкий внешний вид, явно не нуждался в деньгах. Что же заставило его вести столь странный образ жизни и кому понадобилась его смерть? Инспектор Росс и его умная отважная жена Лиззи полны решимости разгадать тайну мистера Тапли и найти его убийцу...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-227-07599-4

© Грэнджер Э., 2012

© Центрполиграф, 2012

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	22
Глава 5	32
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Энн Грэнджер

На злодеев глаз наметан

A PARTICULAR EYE FOR VILLAINY

© 2012 Ann Granger

© Перевод, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Издание на русском языке, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2014

Благодарю Радмилу Мэй – за дружбу и за то, что во время написания этой книги она щедро делилась со мной сведениями о юридической системе Викторианской эпохи.

Глава 1

Элизабет Мартин Росс

Хотя погожий весенний лондонский денек не сравнится с весной в сельской местности, большой город старается, как может. Деревья покрылись молодыми листочками, словно окутались зеленой дымкой. Над крышами домов по-прежнему висит дымовая завеса, но она тоньше, чем черное покрывало, всю зиму скрывавшее солнце. Пешеходы больше не прячутся в шарфы до самых бровей; им не нужно спасаться от слякоти и пронизывающего ветра. Люди спешат по своим делам с радостным видом. Тех, кто почти всю зиму вынуждены были сидеть в четырех стенах, весной так и тянет погулять. Я велела Бесси отложить все дела и сказала, что мы с ней пройдемся и погреемся на солнышке.

Даже от реки в тот день не тянуло обычным зловонием. Когда мы шли с нашего южного берега Темзы на северный, нам не пришлось закрывать носы платками – спасибо мистеру Базалетту и его новой системе канализации! Я собиралась пройти вдоль новой набережной до моста Блэкфрайарз, а оттуда, если мы не очень устанем, добраться до Тауэрского моста. Потом нам придется поворачивать домой – путь предстоит неблизкий, а за Тауэрским мостом находятся портовые доки святой Екатерины и Уоппинг.

– В Уоппинге порядочным женщинам гулять не стоит, – решительно объявила Бесси. – Нам с вами там не место!

Бесси, разумеется, была права. Уоппинг – портовый район, где вся жизнь вращается вокруг доков и складов. На улицах и в тавернах болтаются моряки из всех уголков мира. Бакалейные лавки соседствуют с курильнями опиума. Дешевые меблированные комнаты трудно отличить от борделей. Из Темзы в районе Уоппингской пристани регулярно вылавливают трупы, причем утопленники далеко не всегда самоубийцы или жертвы несчастного случая... Такие жуткие подробности известны мне потому, что я замужем за полицейским инспектором. К счастью, мой муж служит не в Речной полиции, а в Скотленд-Ярде.

– Скорее всего, до Тауэра мы не доберемся, – сказала я Бесси, когда мы перешли по мосту на другой берег. – И все же постараемся погулять подольше!

Тут нас окликнули сзади. Обернувшись, мы увидели мистера Томаса Тапли, семенившего мимо будки, где берут плату за проход по мосту. В знак приветствия он махал нам своим потертым зонтиком. Дождя в тот день не ожидалось, но мистер Тапли никогда не выходил из дому без зонтика. А выходил он каждый день – по его словам, «для моциона». Мистер Тапли был низкорослым и таким тщедушным, что, казалось, подует ветер – и его закрутит и унесет, как небрежно скомканную газету. Ходил он довольно быстрым шагом. Его костюм не отличался разнообразием; он щеголял в клетчатых брюках и сюртуке, который когда-то был черным, но со временем выцвел до бутылочного цвета. На солнце сюртук просвечивал и переливался, как будто был сшит из особой тафты. Наряд мистера Тапли довершала шляпа с низкой тульей и широкими, загнутыми кверху полями. Такие головные уборы были в моде лет двадцать назад. Помню, отец надевал такую же шляпу, отправляясь на обход своих пациентов. Тогда подобные шляпы стоили немало, но отец считал этот расход вполне оправданным. «Врач, – говорил он, – должен иметь процветающий вид, иначе пациенты решат, что у него мало практики – значит, ему не доверяют». Шляпа Тапли, истертая, вся в пятнах, видимо, многое пережила на своем веку. Впрочем, владелец носил ее, лихо заломив на один глаз.

– Здравствуйте, миссис Росс! Славный денек сегодня, верно? – Не дожидаясь ответа, мистер Тапли ответил себе сам: – Да, денек хороший. Просто сердце радуется! Надеюсь, вы хорошо себя чувствуете? А как инспектор Росс?

Он широко улыбался, и лицо его сморщилось, как кусок старой замши. В глазах плясали веселые огоньки. Несмотря на солидный возраст – по моим представлениям, ему было уже за шестьдесят, – он смог сохранить почти все зубы в отличном состоянии.

Я заверила мистера Тапли, что мы с Беном оба в добром здравии, и ткнула в бок идущую рядом Бесси, чтобы та перестала хихикать.

– Вышли подышать воздухом? – спросил у нашей служанки мистер Тапли, наградив ее еще одной добродушной улыбкой.

– Да, сэр, – пробормотала пристыженная Бесси, неуклюже приседая.

– И вы совершенно правы, что не упускаете такой прекрасной возможности, – продолжал Тапли, снова обращаясь ко мне. – Моцион, моя дорогая миссис Росс, чрезвычайно важен для хорошего самочувствия. Я никогда не отказываюсь от моциона, гуляю, когда идет дождь и когда светит солнце. Но сегодня можно считать, что нам крупно повезло!

Он театрально взмахнул зонтиком, указывая на Темзу у нас за спиной. Поверхность воды блестела и переливалась на солнце. Сегодня вверх и вниз по течению шли самые разные суда: лихтеры, угольные баржи, пузатые небольшие паровые буксиры. Я заметила даже катер, который, судя по опознавательным знакам, принадлежал Речной полиции. Между судами покрупнее сновали лодки – как мне показалось, они часто лишь чудом избегали столкновения.

– Наш великий город трудится и на суше, и на воде, – заметил Тапли, тыча в Темзу зонтиком, подобно школьному учителю, который так же тычет указкой или тростью в грифельную доску. – Передайте от меня привет инспектору Россу, – продолжил он без всякого перехода. – Пусть и дальше так же доблестно охраняет Лондон от негодяев!

Он коснулся пальцами шляпы, еще раз лучезарно улыбнулся и зашагал дальше. Мы смотрели ему вслед. Тапли обошел небольшую толпу, собравшуюся посмотреть уличное представление, перебежал на другую сторону улицы, семеня своими короткими ножками, и направился на север, в лабиринт узких улочек, ведущих к Стрэнду.

– Забавный старикашка, – непочтительно, зато точно заметила Бесси.

– Сейчас он определенно переживает не лучшие времена, – ответила я. – Но он не виноват – во всяком случае, мы не знаем, почему так случилось.

– А все равно сразу видно, что он из благородных, – задумчиво ответила Бесси. – Должно быть, когда-то у него водились деньги. Может, он все проиграл или пропил... – Она немного оживилась. – А может, его компаньон смылся с деньгами, или...

– Хватит! – перебила ее я.

Бесси поселилась у нас с Беном после того, как мы поженились и зажили своим домом. Она выросла в приюте и до нас служила судомойкой у моей тети Парри. Худенькая, но жилистая, она отличается живым умом и острым чутьем. Ее преданность не знает границ – как, впрочем, и своеволие.

Ну а Томас Тапли... О нем никто ничего толком не знал. Не только Бесси иногда гадала, как он очутился в таких стесненных обстоятельствах. Проживал он в дальнем конце нашей улицы, в особнячке, стоявшем отдельно от наших недавно построенных террасных домов. Особнячок стоял здесь задолго до того, как сюда провели железную дорогу. Наверное, когда построили тот дом, его окружали только поля. Дом Георгианской эпохи, квадратный в плане, с красивыми фронтонами и массивной дверью успел состариться. Возможно, его строили для какого-нибудь преуспевающего купца или даже сельского сквайра. Теперь дом принадлежал некоей миссис Джеймисон, вдове капитана клипера.

Все соседи очень удивились, когда примерно полгода назад миссис Джеймисон сдала жилье Томасу Тапли, потому что миссис Джеймисон считалась в нашем квартале дамой вполне состоятельной, претендующей на определенное положение в обществе. И уж если она решила пополнить свой доход сдачей комнат внаем, могла бы выбрать в жильцы человека свободной профессии. Но мистер Тапли отличался своеобразным обаянием и простотой в поведении.

Несмотря на его потрепанный вид, вскоре все соседи смирились с ним. Его считали чудаком и, в общем, любили.

Не странно ли, что случайная встреча и простой обмен любезностями окончились для нас с Бесси расследованием убийства? Но никто не мог бы угадать в то чудесное, погожее весеннее утро, что мы одни из последних видели Томаса Тапли в живых и говорили с ним незадолго до его ужасной гибели...

Мы все же добрались до Тауэрского моста. Солнце пригревало, но не припекало, идти было легко и приятно. Мы сами удивились, сообразив, что ушли довольно далеко от нашего дома. Мы повернули назад, ведь нам предстояло проделать довольно долгий путь. В окрестностях Тауэрского моста Темза еще оживленнее, если можно так выразиться: здесь проходят и более крупные суда. Мы увидели углевозы, которые поставляют топливо для лондонских каминов и паровых двигателей. Первые любители речных плаваний вывели на реку прогулочные суда. Увидев вдали мачты клипера, я невольно подумала о миссис Джеймисон, квартирной хозяйке мистера Тапли. Но мысль была мимолетной, и я снова забыла о бедном Тапли.

Когда мы вернулись к мосту Ватерлоо, обе немного выбились из сил. На набережной у моста всегда кипит жизнь; одни пассажиры спешат на вокзал, другие – с вокзала. Они переправляются через мост в экипажах или пешком. Кроме того, на мосту всегда выступают уличные артисты, торговцы предлагают «товары в дорогу». Здесь много нищих. Конечно, мост охраняет сторож, да и полицейские гоняют попрошайек, но они всегда возвращаются, не боясь даже того, что их арестуют за нарушение общественного порядка.

Издали заметив что-то своим зорким взглядом, Бесси дернула меня за руку и прошептала:

– Миссис! Там клоун, может, повернем обратно?

Я уже успела заметить, куда смотрит Бесси. Клоун стоял шагах в десяти впереди нас, в таком месте, где невозможно не подойти к нему вплотную. Я вспомнила, что и в прошлый раз, когда мы переходили реку, на том месте собралась небольшая толпа, и подумала: «Может быть, уличный артист выступает здесь с самого утра». Но утром я не заметила клоуна, иначе непременно запомнила бы его. Его пестрый наряд бросался в глаза издали. Фигура клоуна была довольно крупной. Его костюм состоял из пародии на женское платье свободного покроя в больших ярких заплатках. Из-под платья виднелись полосатые чулки и огромные ботинки с загнутыми носами. На шее у клоуна красовалось нечто вроде горжетки. На голову, поверх огненно-рыжего кудрявого парика, он нахлобучил шляпу совершенно невообразимого фасона. Она напоминала перевернутое ведро, украшенное всевозможными бумажными цветами и розетками. Шляпа была повязана под двойным подбородком клоуна широкой лентой.

Он вполне безобидно жонглировал шарами, делая вид, будто вот-вот уронит один из них, и в последний миг ловил его. При этом клоун не переставал болтать резким фальцетом, подражая женскому голосу. Его ужимки меня совсем не позабавили. Я не могла отвести взгляда от его мертвенно-белого лица, на котором выделялись подведенные сажей глаза, нарисованные длинные ресницы, губы, окрашенные ярко-алой помадой, в форме бантика, как будто он собирался кого-то поцеловать. Толстые щеки были сильно наруганы.

Клоуны мне никогда не нравились... точнее будет сказать, с самого детства при виде клоунов я испытываю невообразимый ужас. Стоит мне увидеть клоуна, и я начинаю задыхаться, не в силах двинуться с места. Не считите меня дурой, но я не притворяюсь!

Повторяю, все началось в детстве. Мне было шесть лет. Моя няня, Молли Дарби, упростила отца взять меня с собой в цирк – на пустыре, на окраине нашего городка, появился цирк шапито. Молли уверяла, что мне понравится. Отец сомневался. Будучи врачом, он знал, как вредно ребенку находиться в толпе немытых людей. Но тогда в городе не было никакой эпидемии, и Молли настояла на своем.

– Вот увидите, сэр, ей понравится! Все малыши любят цирк!

Отец, который по-прежнему колебался, повернулся ко мне и спросил, хочу ли я в цирк. Увлеченная рассказами Молли о чудесах, которые я там увижу, я энергично ответила, что хочу. И отец позволил мне пойти при условии, что с нами будет Мэри Ньюлинг, наша экономка. Теперь мне кажется, что отец сомневался в чистоте намерений Молли и не хотел отпускать ее в сомнительное место в обществе шестилетней девчонки. Наверное, отец догадывался, что Молли договорилась встретиться в цирке с каким-нибудь своим ухажером. Если так, он, наверное, был прав, потому что, когда Молли узнала, что с нами пойдет Мэри Ньюлинг, лицо у нее вытянулось. Но почти сразу она приободрилась, потому что мы все же шли в цирк!

На то, чтобы уговорить миссис Ньюлинг пойти с нами в цирк, ушел целый час.

– Цирк – не место для порядочных женщин! Там собираются воры, хулиганы и бродяги! – Экономка наградила Молли многозначительным взглядом.

Молли покраснела, но стояла на своем:

– Доктор Мартин не против!

Наконец мы вышли из дому. Миссис Ньюлинг всю дорогу ворчала. Я скакала на одной ножке, полная радостного предвкушения. Меня не пугали даже бродяги, о которых говорила Мэри Ньюлинг. Наоборот, наше приключение казалось еще более волнующим. Я точно не знала, что такое «бродяга», и думала, что это, должно быть, какой-нибудь забавный зверь.

К тому времени, как мы заняли места на жесткой деревянной скамье в большом шатре, пыл мой несколько поутих. До тех пор я еще ни разу не бывала в таком большом (для меня) скоплении народа. За места в первом ряду пришлось доплатить. Толпа напирала; сзади слышалась ругань. Зрители с боем отвоевывали лучшие места. Мэри Ньюлинг то и дело хмурилась и зажимала мне уши своими большими, натруженными руками, разворачивая мою голову к манежу. В шатре было жарко и душно, пахло потом.

Прямо перед нами была круглая площадка, усыпанная опилками. Молли с важным видом пояснила, что площадка называется «манежем». Я с нетерпением ждала обещанных чудес.

– Давимся, как сельди в бочке, – ворчала Мэри Ньюлинг, на которую слова Молли не произвели никакого впечатления. – Вся эта толпа, похоже, незнакома с мылом и водой! Если кому-то станет плохо, тут даже в обморок некуда падать! Беднягу придется уложить прямо туда. – Мэри указала на пол манежа, усыпанный опилками.

Вскоре на возвышение вышли оркестранты: два скрипача, трубач и барабанщик, который еще играл на странном инструменте, состоявшем из шеста, к которому были привязаны разные металлические детали. Когда он ударял своим шестом по полу, грохот получался невообразимый! Я охотно поверила Молли, что это настоящий оркестр.

После того как музыканты сыграли вступление, на манеж вышел мужчина с щегольскими усиками, одетый в красный охотничий сюртук и ослепительно-белые панталоны. Он приветствовал публику, сняв цилиндр, и посулил «изумительное представление». Затем он щелкнул хлыстом, и занавес у него за спиной разошелся в стороны.

К моей радости, на манеж выбежали несколько красивых белых пони, украшенных плюмажами. Они галопом проскакали вокруг джентльмена в красном сюртуке, а он щелкал хлыстом. Затем на манеж выбежала еще одна лошадь, разубранная необычайно красиво. Публика заахала и засвистела, приветствуя наездницу, стоявшую в седле. Такой красивой женщины, как она, я в жизни не видела! Наездница была одета довольно легко: в изумрудно-зеленое атласное платье, из-под которого виднелись ярко-красные панталоны. Пока лошадь гарцевала по манежу, красавица в изумрудном платье принимала разные позы, а затем вдруг сделала в седле стойку на руках! Она стояла, прямая как свечка, а лошадь бегала по кругу.

– Фу, гадость какая! – воскликнула Мэри Ньюлинг. – Бесстыдница, у нее все напоказ!

Негодования экономки никто не разделял. Публика радостно кричала, свистела и улюлюкала.

Перед самым концом номера, когда лошадь уже направлялась за кулисы, наездница свалилась с седла и задрыгала ногами в ярко-красных панталонах, но зрители зааплодировали еще сильнее, решив, что так было задумано.

Следом за наездницей на манеж вышел силач в леопардовом трико и алых сапогах. Он без труда поднимал тяжеленные на вид гири.

– Сплошной обман! – ворчала Мэри Ньюлинг. – Гири у него не настоящие, воздухом надутые!

Но я кричала и хлопала вместе с остальными. Мне ужасно нравилось в цирке.

Вдруг оркестр снова умолк, и на манеж выбежали клоуны.

Уродливые, нелепо одетые и ярко размалеванные, они словно вышли из моих страшных снов! Они падали в опилки и валялись в них, подставляли друг другу подножки, обсыпали друг друга из ведер нарезанной бумагой, пускали конфетти в зрителей и исполняли всевозможные трюки. Как ни была я мала, мне сразу стало ясно: на манеже творится что-то непотребное. Мне совсем не было смешно; я сильно испугалась. И вдруг одно ужасное создание с ярко накрашенными губами, растянутыми в улыбке, раскинув руки, побежало ко мне...

Я забилась и закричала, и меня пришлось выносить на руках, что было нелегко. Зрители были недовольны тем, что представление прервали; никто не хотел уступать нам дорогу. Многие ругались и приказывали Молли, тащившей меня, «заткнуть малявке рот».

Я горько рыдала всю дорогу домой. Молли Дарби тоже плакала, она боялась, что во всем обвинят ее. Мэри Ньюлинг то утешала меня, то ругала Молли, то торжествуя объявляла: она с самого начала говорила, что ничего хорошего из этой затеи не выйдет!

И вот теперь все детские страхи вернулись ко мне на мосту. Оцепенев от ужаса, я в упор смотрела на клоуна, хотя и понимала, что он, скорее всего, – бедный безобидный артист, который тяжелым трудом зарабатывает себе на хлеб. Бесси крепко схватила меня за руку и громко сказала:

– Не волнуйтесь, миссис! Давайте повернем назад и перейдем на нашу сторону по Вестминстерскому мосту! Нам не придется делать большой крюк.

Но я во время прогулки натерла ногу и понимала, что Бесси, должно быть, тоже устала. Не хотелось возвращаться назад из-за каких-то глупых страхов. Я внушала себе: «Стыдно вести себя так глупо при шестнадцатилетней девочке».

– Нет, Бесси, – решительно возразила я, – ничего, мы пройдем по этому мосту, как и собирались. Клоун ни в чем не виноват. Погоди... – Я сунула руку в сумочку на шнурке, которую носила на запястье, и достала оттуда несколько монет. – Вот, брось ему в шляпу.

Бесси взяла мою лепту и быстро подошла к клоуну.

– Вот, держите! – громко сказала она прямо в размаLEVанное лицо. – Хотя с такой физиономией, как у вас, только людей пугать! – Монетки со звоном упали в перевернутую фетровую шляпу, лежавшую у ног артиста.

Клоун расплылся в улыбке и посмотрел прямо на меня. Потом, не сводя с меня блестящих карих глаз, он стащил с рыжего парика свой дурацкий головной убор и поклонился. Взгляд у него был такой острый и пронизательный, что я просто окаменела. Какое-то время я не слышала и не видела ничего из того, что творилось вокруг меня. Хотела отвести от него взгляд – и не могла. Клоун выпрямился, надел шляпу, но по-прежнему смотрел на меня в упор.

– Будет теперь вас знать. – Бесси подошла ко мне. – Вот уставился! Пусть он и артист, а о хороших манерах понятия не имеет. Хоть вы и клоун, а нечего пялиться на порядочных женщин! – Она погрозила ему кулаком.

Чары развеялись. Клоун отвернулся, и мой паралич прошел.

– Пошли! – приказала я, и мы прошли мимо него по мосту.

Бесси трусила рядом.

Вдруг впереди мы снова заметили Томаса Тапли; видимо, он, как и мы, возвращался домой. Если только он не заходил куда-то по пути, он, наверное, забрался так же далеко, как и мы с Бесси. Шагал он, как и раньше, быстро; мы не могли за ним угнаться.

Неожиданно кто-то поравнялся с нами. Покосившись в сторону, я, к своему ужасу, увидела клоуна!

Почему он прервал представление? Неужели следит за нами? Сердце у меня екнуло. Но оказалось, что мы с Бесси для него никакого интереса не представляем. Клоун обошел нас; его ярко-рыжий парик замелькал впереди. Он замедлил ход и держался в нескольких шагах от Тапли. Если бы Тапли обернулся, он непременно заметил бы такую яркую личность; правда, на мосту было много пешеходов. Мне показалось, что клоун старательно пропускал других вперед, отгораживаясь от потертого бутылочно-зеленого сюртука. Но Тапли ни разу не обернулся. Несомненно, ему, как и нам, не терпелось вернуться домой и выпить чаю. Оба они, и Тапли, и клоун, шагали быстрее нас. Вскоре толпа, которая расступалась, пропуская клоуна, сомкнулась за ним, и я его больше не видела. Судя по всему, мистер Тапли и его преследователь перешли на другую сторону задолго до нас. Когда мы очутились на нашем берегу, они оба уже скрылись из вида.

Мною овладело дурное предчувствие. Я внушала себе, что у меня разыгралось воображение. И все же мне показалось, что клоун следил за Томасом Тапли.

Глава 2

В тот вечер я не рассказала Бену о клоуне и Бесси велела помалкивать. Придя домой, мы с ней занялись пирогом со стейком, элем и устрицами к ужину. О том, что произошло, мы не говорили даже друг с другом. Я стеснялась своей, как мне казалось, трусости. Непонятно почему, я немного беспокоилась за Тапли, хотя и твердила себе, что моя тревога – лишь следствие моих собственных страхов.

Бену я сказала, что мы встретили жильца миссис Джей-мисон. Я передала ему привет от Тапли и выраженную им надежду, что он избавит Лондон от негодяев.

– Мы делаем все, что от нас зависит, – сухо ответил Бен. – Но наша работа немного похожа на борьбу с тем древнегреческим чудищем: отрубает одну голову, а на ее месте вырастает семь...

– С гидрой, – подсказала я.

– Вот именно. Лондонский преступный мир такой же. Мы арестовываем злодея и предаем его суду. Судья отправляет его в тюрьму. Но еще до окончания процесса место одного негодяя занимают двое новых... – Он отрезал себе кусок пирога. – Значит, больше вы никого не встретили?

– Из знакомых – никого, – ответила я, не слишком погрешив против истины.

Следующий день у меня выдался довольно хлопотный. После ужина мы перешли в гостиную, где сидели у камина и разговаривали. По вечерам было еще холодно, и нужно было топить камин. Гостиная у нас довольно темная, туда почти не попадает солнце, поэтому в ней вечерами бывает промозгло. Бесси на кухне мыла посуду – как обычно, со звоном и грохотом. Вдруг раздался еще более оглушительный грохот, а за ним – крик Бесси.

– Что за девчонка! – проворчал Бен. – Неужели она опять разбила тарелку?

Но я уже вскочила: встревоженный крик Бесси явно говорил о том, что дело серьезнее, чем разбитая тарелка. И тут же дверь распахнулась настежь, и наша девчонка ворвалась в гостиную в мокром переднике и съехавшем набок чепце.

– Ах, сэр, ах, миссис! – кричала она. – Ужас-то какой!

Бен, которому почти ежедневно приходилось сталкиваться с ужасами, в ответ на ее крики пожал плечами и взял газету, а с домашними неприятностями, в чем бы они ни заключались, предоставил разбираться мне.

– В чем дело, Бесси? – спросила я, вставая. Подойдя ближе, я услышала с кухни женский плач.

– Ужасное убийство, миссис, ужасное! Сэр, вам немедленно надо идти туда!

С достойным восхищения хладнокровием Бен отложил газету и спросил:

– Бесси, где произошло убийство? На улице? Мы ничего не слышали.

– Нет, сэр. Там служанка миссис Джеймисон!

– Ее убили? – несколько резче спросил Бен, вставая.

– Она у нас на кухне? – спросила я, догадавшись, откуда исходят рыдания, и без лишних слов поспешила на кухню. Бен шел за мной по пятам. Мы увидели девушку – на вид ровесницу Бесси. Видимо, вбежав к нам, она осела на плиточный пол и расплакалась. Когда мы вошли, девушке стало хуже: она то рыдала, то хохотала.

– У нее истерика! – воскликнул Бен. – Скорее сунь ей в зубы деревянную ложку, как бы она не прокусила себе язык!

– Нет, нет, она просто очень напугана, – возразила я.

Подбежав к девушке, я схватила ее за плечи; она продолжала раскачиваться на полу.

– Как тебя зовут?

Служанка миссис Джеймисон смотрела на меня снизу вверх и беззвучно шевелила губами.

– Ее зовут Дженни, – вмешалась Бесси. – Дженни, а ну, вставай! Хватит валять дурака! – Сопровождая слова делом, она с силой вздернула несчастную на ноги. Правда, вид у незваной гостьи был такой, словно она вот-вот снова упадет.

Бен поспешно придвинул стул, куда тяжело опустилась Дженни. В ее глазах по-прежнему стояли слезы.

– Итак, Дженни, в чем дело? – мягко, но настойчиво спросил Бен, склоняясь над ней.

– Сэр, вы должны немедленно к нам прийти! – прошептала она. – Хозяйка приказала мне сразу же бежать к вам... Сказала, так будет быстрее, чем искать патрульного констебля...

– Миссис Джеймисон не пострадала? – осведомился Бен.

– Нет, сэр, зато мистер Тапли, ее жилец... умер! Его так ужасно избили, он весь в крови! Лежит на... – Но тут Дженни не выдержала и снова громко разрыдалась.

Бен выпрямился:

– Схожу взгляну, что там случилось. Дженни пока пусть побудет у нас. Бесси, налей ей крепкого горячего чая. Лиззи, если повезет, я там не задержусь, но если все-таки...

– Я пойду с тобой! – перебила я его. – Что бы ни случилось, бедная миссис Джеймисон сейчас одна дома. Представляю, как она напугана... Может быть, ей даже грозит опасность! Во всяком случае, ее нужно поддержать. Пока ты выяснишь, что случилось с мистером Тапли, я позабочусь о миссис Джеймисон.

– Да, да, ты права! – на ходу сказал Бен. Он вышел, не взяв даже шляпы.

Я поспешила за ним. Мы быстро добрались до дома миссис Джеймисон. Парадная дверь была распахнута настежь; в прихожей ярко горели газовые светильники. Хотя уже почти стемнело и в искусственном освещении не было ничего необычного, я решила, что миссис Джеймисон зажгла светильники нарочно, чтобы отпугнуть незваных гостей, которые по-прежнему могли рыскать где-то неподалеку. Я озираясь по сторонам, но не заметила на улице никаких подозрительных теней и не услышала ничьих шагов.

Мы поднялись на крыльцо. Бен громко окликнул хозяйку. Наверное, миссис Джеймисон услышала наши голоса; она ждала нас в прихожей. Бледная, дрожащая, она, казалось, вот-вот потеряет сознание. Однако она вежливо приветствовала нас:

– Здравствуйте, инспектор, и вы, миссис Росс... спасибо, что пришли... Мне очень неудобно вас беспокоить, но похоже, что бедный мистер Тапли... – Голос ее дрогнул.

– Где он? – тихо спросил Бен.

– На втором этаже... в своей гостиной. Он снимает... снимал две комнаты наверху, окнами на улицу.

Бен поспешил на второй этаж. Я же взяла миссис Джей-мисон под руку и повела в гостиную.

– Я заварю чаю, – предложила я, усадив ее в кресло.

Хозяйка привстала было, но я удержала ее на месте.

– Что вы, миссис Росс, вам совсем ни к чему себя утруждать. Я попрошу Дженни... – Миссис Джеймисон осеклась, видимо вспомнив, что сама отправила Дженни к нам.

– Дженни сейчас сидит у нас на кухне, – сказала я. – Бесси поит ее чаем. Она вернется, как только успокоится. А вам сейчас, наверное, не помешает что-нибудь покрепче... Найдется у вас вино, херес или мадера?

– Нет, миссис Росс, – неожиданно решительно возразила миссис Джеймисон. – Я не держу в доме никаких крепких напитков!

– Я вовсе не хотела... – извинилась я.

Миссис Джеймисон ненадолго закрыла глаза, видимо собираясь с мыслями.

– Нет, миссис Росс, чаю тоже не надо, хотя не скрою, с вами мне как-то спокойнее... Спасибо, что пришли.

Наверху закрылась дверь. Бен быстро сбежал вниз по лестнице.

– Я еду в Скотленд-Ярд... – обратился он ко мне и, немного подумав, продолжал: – Миссис Джеймисон, вам пока не стоит оставаться здесь без всякой защиты. Может быть, вы на время пойдете к нам?

Значит, подумала я, Томас Тапли действительно умер. Нет никакой ошибки; он не потерял сознание, и его не приняли за мертвого. Я невольно посмотрела на потолок. Не над нашими ли головами лежит его безжизненное тело?

– Я останусь здесь, – неожиданно твердо заявила миссис Джеймисон. – Как ни ужасно сознавать, что бедный мистер Тапли лежит наверху мертвый, по-моему, не стоит оставлять дом пустым... если не считать тела. Тогда выйдет, что беднягу все бросили, а так поступать непорядочно. Мистер Росс, я не боюсь мертвецов.

Мне показалось, что Бена куда больше беспокоят не потусторонние силы, а вполне реальные, живые преступники. Но, увидев упрямое выражение лица хозяйки дома, мы поняли, что спорить с ней бесполезно. Она считает, что должна остаться, так сказать, нести вахту рядом с покойным, и убедить ее в обратном вряд ли удастся.

– Если миссис Джеймисон не против, я посижу и подежурю тут вместе с ней, – предложила я.

Разумеется, Бена мои слова совсем не обрадовали, но он спешил в Скотленд-Ярд и потому кивнул.

– Как только я найду кого-нибудь, непременно пришлю сюда. Если повезет, я встречу по пути патрульного констебля. Запомни, Лиззи, никто – никто! – не должен входить в ту комнату. Тебе понятно? Прошу тебя, проследи за тем, чтобы никто не поднимался вверх!

Я обещала проследить и проводила Бена к выходу. Потом я собиралась запереть парадную дверь.

– Запри и дверь гостиной, хорошо? А все-таки вам с миссис Джеймисон лучше было бы пойти к нам, – повторил он.

– Ничего с нами не случится, – бодро ответила я.

Пообещав вернуться, как только сможет, Бен ушел, а я присоединилась к вдове. Помня слова Бена, я заперла дверь в гостиную на ключ. Миссис Джеймисон не сводила с меня испуганного взгляда.

– Я просто не знаю, что и подумать, – тихо призналась она, когда я села напротив нее. – Настоящее варварство... как еще назвать то, что случилось? Бедный мистер Тапли! Он... был... таким хорошим жильцом! – Вдова сложила руки на коленях и бросила на меня беспомощный взгляд. – Кто мог совершить такое злодеяние? Подумать только, в моем доме!

На вид миссис Джеймисон можно было дать около шестидесяти лет; значит, она была примерно на год-два моложе своего жильца. Седые, еще густые волосы, разделенные посередине ровным пробором, она зачесывала назад и укладывала пучком на затылке. В темно-коричневом платье с кружевными воротником и манжетами миссис Джеймисон выглядела олицетворением респектабельности. Взгляд мой упал на ее руки. Кроме обручального кольца, других украшений она не носила. Даже в такой миг я невольно думала, что Тапли, может быть, спугнул грабителя. Гостиная миссис Джеймисон, которую я окинула взглядом, ничем не отличалась от тысяч других таких же гостиных. Конечно, комнату нельзя было назвать убогой, но ничто не указывало и на богатство. Мягкие, удобные кресла, выцветший турецкий ковер на полу, низкие столики – на одном из них лежала раскрытая Библия... Что в таком доме могло привлечь грабителя? Разве что портрет покойного капитана Джеймисона, украшенный черным шелковым бантом, да две китайские вазы на каминной полке, наверное привезенные им из очередного

рейса. Между вазами стояли монотонно тикавшие часы в корпусе черного дерева. На стене висела вышивка в рамочке, выполненная явно детской рукой, – алфавит.

Во всех отношениях гостиная в доме миссис Джеймисон выглядела самой обыкновенной. Я заметила лишь одну странность, точнее сказать, скорее неожиданный, чем необычный предмет. В углу комнаты стояла детская лошадка-качалка, белая в яблоках; длинная черная грива и хвост были из настоящего конского волоса. Красное бархатное седло выцвело и выглядело потертым. Судя по всему, покойный мистер Джеймисон оставил жене какие-то средства к существованию. И все же она вынуждена была сдавать комнаты на втором этаже жильцу. Из финансовой необходимости или, может быть, от одиночества? Может, ей приятно было, что под ее крышей снова поселился мужчина? Она уже немолода; возможно, она спала спокойнее, зная, что, помимо нее и совсем молоденькой служанки, в доме есть еще один человек. Правда, вряд ли тщедушный Томас Тапли сумел бы защитить двух женщин в случае опасности. Как оказалось, он и самого себя не сумел защитить.

Проследив за направлением моего взгляда, миссис Джей-мисон сказала:

– Лошадка принадлежала нашей дочурке, Доркас. Она умерла в десять лет от дифтерии. Тогда заразились несколько детишек в нашем квартале, и все умерли. Мы живем недалеко от реки; болезни здесь до сих пор обычное дело. Доркас очень любила Доббина, даже когда выросла большая и не помещалась в седле. Вот почему я по-прежнему держу Доббина в том углу. Только он и составляет мне компанию, ведь и Эрнест, и Доркас, опередив меня, перешли в лучший мир.

– Мне очень жаль, – сказала я. – Так печально... вы пережили столько потерь, а теперь еще и это...

Я замялась. Мне не хотелось мучить бедную женщину. Я видела, что миссис Джеймисон держится из последних сил. И все же мое любопытство пересилило.

– Вы ничего не слышали? – спросила я. – Никаких признаков того, что к вам проник грабитель?

Миссис Джеймисон покачала головой:

– Ничего. Конечно, стены в доме крепкие... Один раз, правда, мне показалось, что мистер Тапли вскрикнул. А ведь он в самом деле должен был вскрикнуть, верно? – Она вскинула на меня ошеломленный взгляд. – Наверное, он поднял голову и увидел, как к нему подходит убийца с... не знаю, с каким орудием в руке! Ах, миссис Росс, никогда не думала, что доживу до такого! Столько крови... на ковре большая лужа! – Отвлекшись на эту подробность, она замолчала.

– Он мог и не вскрикнуть, если не поднял головы, – заметила я. – Если убийца подкрался незаметно... – Я заставила себя замолчать, потому что нарисованная мною картина была слишком пугающей.

Миссис Джеймисон с серьезным видом наклонилась вперед:

– Наверное, он пробрался в дом и поднялся на второй этаж тихо, как мышка. Ни я, ни Дженни не видели и не слышали злодея! Просто не верится! Кажется невероятным, чтобы совершенно чужой человек, убийца, влез в мой дом! Как ему это удалось?

То же самое наверняка заинтересует полицию...

– Вы сегодня видели мистера Тапли?

– Нет, но в этом нет ничего необычного. Мистер Тапли встает довольно поздно, а завтрак ходит в кофейню. Я бы с радостью сама готовила ему завтраки, но он уверял, что у него вошло в привычку ходить в кофейню и читать там газеты. Не знаю, чем он занимался потом. Обычно он присоединялся ко мне за ужином. Как правило, он только ужинает... то есть ужинал дома. Видите ли, я дала ему ключ от парадной двери.

Заметив мое удивление, она продолжала:

– Сначала я не собиралась давать жильцу отдельный ключ. Но мистер Тапли очень просил и обещал, что не потеряет его. Я согласилась. Кроме меня и Дженни, в доме больше никого нет; если мы с ней обе будем в отлучке, жилец не сможет попасть в дом, пока мы не вернемся. Конечно, у него должна быть возможность попадать домой независимо от нас! И потом, мистер Тапли всегда возвращался задолго до ужина. Но сегодня он не спустился в столовую в назначенное время. Я решила, что он задремал, и послала Дженни его разбудить. Она должна была постучать к нему в дверь, разумеется. Она постучала, он не ответил. Тогда она приоткрыла дверь и увидела, что он там... она увидела его... – Миссис Джеймисон крепко сплела пальцы рук. – Дженни сбегала вниз с криком: «Мистера Тапли убили!» Я велела ей успокоиться. Как такое могло случиться? Кому понадобилось убивать такого безобидного человека, к тому же здесь?! Я сама поднялась вверх, чтобы посмотреть, что произошло. Оказалось, что Дженни не ошиблась... Ужасное зрелище! – Ее передернуло. – Даже если полицейские потребуют от меня взглянуть на... на его тело, я, наверное, не смогу.

– Не думаю, что от вас что-то потребуют, – сказала я, – особенно если вы подтвердите, что наверху лежит именно ваш жилец.

– Ну да, разумеется! – воскликнула хозяйка дома. – Его лицо... пострадало не так сильно. Гораздо больше... затылок.

Она зажала рот ладонью.

– Постарайтесь пока не думать о нем, – посоветовала я. – Лучше расскажите, что произошло потом.

– Хорошо... Итак, я поняла, что должна немедленно действовать! – Миссис Джеймисон заговорила отрывистее. – Судя по всему, посылать за врачом не было смысла, поэтому я послала Дженни к вам. Решила, что сейчас ваш муж наверняка уже дома. Очень рада, что инспектор в самом деле оказался дома и так быстро пришел.

Я задумалась над ее словами. В таких делах очень важно установить время смерти. Возможно, врач, который приедет вместе с полицейскими, разберется в этом куда лучше меня. С другой стороны, Тапли был человеком тихим; хозяйка не знала, когда он выходил из дому и когда возвращался. Может быть, он, как всегда, отправился на прогулку «для моциона»? В обычные дни миссис Джеймисон, по ее же словам, встречалась с жильцом только вечером, за ужином. Вчера мы с Бесси встретили мистера Тапли на мосту. Но видел ли его кто-нибудь сегодня? Где он бывал после того, как выходил из дому и завтракал в кофейне? Где он проводил время до ужина? Неужели он целыми днями разгуливал по лондонским улицам? Может быть, он сидел в кофейнях и ресторанах, в публичных библиотеках, проводил время в столичных музеях или общественных парках? А может быть, он рано возвращался домой и тихо читал у себя в комнате?

Неожиданно в голову мне пришла такая ужасная мысль, что я вздрогнула. У Томаса Тапли имелся свой ключ от входной двери. Может быть, он познакомился с убийцей где-то в городе и пригласил его к себе домой? Открыл дверь своим ключом, не ведая об опасности... и сам впустил убийцу!

– Скажите, пожалуйста... – осторожно начала я. – Миссис Джеймисон, полицейские наверняка захотят узнать о мистере Тапли все, что только можно... Например, как он у вас поселился. Вы поместили объявление о том, что сдаете комнаты? Принес ли он рекомендательные письма?

Миссис Джеймисон встревожилась:

– Все, что только можно? Но ведь я практически ничего о нем не знаю! Понимаю, мои слова кажутся вам странными, ведь выходит, что я поселила у себя совершенно незнакомого человека... Но он показался мне таким славным, милым, тихим джентльменом. Я решила, что ему можно доверять... я даже дала ему ключ от парадной двери! Разумеется, я сообщу полиции все, что мне известно.

Когда пробили часы на каминной полке, мы обе вздрогнули.

Миссис Джеймисон глубоко вздохнула. Наверное, мои вопросы ей немного помогли. Казалось, внутри ее рухнула какая-то преграда, и слова полились из нее потоком.

Глава 3

Пейшенс Джеймисон

— Кажется, я уже упоминала, что моего мужа звали Эрнест, и он был капитаном клипера, который назывался «Джози». Морякам подолгу приходится бывать вдали от дома, и я, бывало, поддразнивала Эрнеста, что «Джози» для него дороже меня, ведь с «Джози» он проводил куда больше времени, чем со мной... В последний раз он отплыл в Вест-Индию. На обратном пути в Англию он заболел лихорадкой и умер. Мы с Эрнестом оба квакеры; мы в жизни не брали в рот спиртного. Эрнест и своим матросам не позволял пить. Но в тот последний рейс на борту было несколько бочонков ямайского рома. Боцман, к которому после смерти Эрнеста перешло управление судном, решил, что тело покойного можно сохранить в роме и привезти мне домой для похорон. Обычно умерших моряков хоронят в море, но мистер Бранд, боцман, догадался, что я захочу похоронить Эрнеста в земле. Рада, что он оказался таким чутким и обо всем позаботился. Матросы вскрыли одну бочку и перелили ром в какую-то другую емкость. В пустую бочку они уложили тело, завернутое в материю, залили его ромом и забили крышку... Не знаю, как поступили с оставшимся ромом. Скорее всего, боюсь, выпили. Как бы там ни было, их предосторожности оказались своевременными. Тело отлично сохранилось в спирте. Эрнеста похоронили у него на родине, в Норидже, и это стало для меня большим утешением...

Вот что странно. Перед погребением владелец похоронного бюро спросил, хочу ли я, чтобы моего мужа побрили и постригли, прежде чем уложить в гроб. Я очень удивилась, так как считала, что в бритье и стрижке нет необходимости. Но он объяснил, что в те несколько недель, что корабль возвращался домой, волосы, борода и усы Эрнеста продолжали расти! Вид у него сделался как у разбойника или отшельника. Конечно, я распорядилась, чтобы Эрнеста постригли и побрили, чтобы он стал похож на христианина...

Я привыкла подолгу жить одна, пока муж был в море, привыкла сама принимать все необходимые решения и распоряжаться по хозяйству. Иными словами, я оказалась в лучшем положении, чем многие вдовы. Чтобы не оставлять меня без средств к существованию, Эрнест застраховал свою жизнь, и я получила деньги по полису... Конечно, и дом тоже перешел ко мне. Я не бедствовала, но лишних денег у меня не было, поэтому и решила сдать комнаты жильцу, лучше всего какому-нибудь пожилому джентльмену. Молодым я не очень доверяю. С пожилыми как-то спокойнее. По-моему, миссис Росс, от молодых джентльменов свободных профессий может быть куда больше хлопот. Они, например, часто возвращаются домой в нетрезвом виде! Сначала я навела справки среди своих знакомых квакеров, но никому из них жилье не требовалось. Тогда я поместила объявление в местной газете. Я долго обдумывала его и особо оговорила, что в нашем доме спиртное не употребляют. На следующий же день ко мне пришел мистер Тапли...

Одет мистер Тапли был бедно, но я сразу поняла, что он настоящий джентльмен — из хорошей семьи и образованный. В нем чувствовалось... что-то простое и доброе, положительное. Его лицо, и голос, и поведение произвели на меня очень хорошее впечатление. Не знаю, как лучше выразиться. Его как будто окружал... ореол невинности.

При обычных обстоятельствах я бы не решилась пустить под свой кров совершенно неизвестного мужчину. Правда, одно рекомендательное письмо он принес, но оно было от его предыдущей квартирной хозяйки в Саутгемптоне. Она аттестовала мистера Тапли образцовым жильцом; по ее словам, он всегда платил за квартиру вовремя и не причинял никакого беспокойства. Прежней хозяйке жаль было расставаться с ним. Я спросила, почему он уехал из Саутгемптона, и мистер Тапли ответил, что ему захотелось вернуться в Лондон, где он жил в молодости.

Понимаю, мои слова, наверное, кажутся вам необычными. И все же за те полгода, что мистер Тапли у меня прожил, он показал себя идеальным жильцом. Он всегда аккуратно платил за комнаты. Не брал в рот спиртного – во всяком случае, я ничего подобного за ним не замечала. Вел себя очень тихо. Каждый день выходил на прогулку – как он говорил, для «моциона». По-моему, он проводил довольно много времени в публичных библиотеках и музеях. Он часто приносил домой книги, которые покупал на улице с лотков. Однажды он показал мне очень красивый томик в кожаном переплете, который купил всего за шесть пенсов у какого-то, по его словам, книгоноши в Уайтчепеле. Читать он очень любил... Вот и все, что я могу о нем рассказать. Никогда я не замечала за ним ничего плохого или подозрительного. В то, что случилось, мне просто не верится! Вряд ли после этого я еще кому-нибудь сдам комнаты...

Элизабет Мартин Росс

Едва миссис Джеймисон закончила свой рассказ и вытерла слезы, как мы услышали громкий стук в дверь и встревожились. Она вскочила и с ужасом посмотрела на меня. Я вызвалась посмотреть, в чем дело, ее же попросила пока подождать в гостиной. Может быть, вернулся Бен и привел с собой своих коллег из Скотленд-Ярда. Не вполне успокоившись, хозяйка дома снова села в кресло. Я сама была не слишком уверена в своих словах – едва ли Бен успел бы за такой короткий срок добраться до Скотленд-Ярда и вернуться обратно. Подойдя к окну, я осторожно выглянула на улицу и увидела дюжую фигуру в характерном шлеме.

Я собралась с духом и отперла входную дверь. На крыльце, занимая собой почти все пространство между двумя столбиками, стоял констебль в форме. Шлем у него блестел. Я окинула взглядом улицу и поняла, что пошел дождь.

– Это здесь произошел инцидент? – спросил гость, делая шаг вперед.

– Кто вам сказал? – отрывисто спросила я, не желая, чтобы мною командовали. – Как вас зовут?

Страж порядка смерил меня язвительным взглядом и ответил:

– Я констебль Батчер, мадам, и здесь... – он обвел рукой пространство у себя за спиной, – мой участок. Я патрулировал его, как обычно, и встретил инспектора из Скотленд-Ярда, который велел мне немедленно идти сюда. Сказал, что произошел инцидент, который требует расследования. Вот я и пришел, мадам, и буду весьма вам признателен, если вы меня впустите. В настоящее время вы загораживаете мне дорогу. Вы владелица дома?

– Нет, я миссис Росс, жена инспектора, которого вы встретили и который послал вас сюда. Владелицу дома зовут миссис Джеймисон; она в гостиной... и у нас не «инцидент», как вы его называете, а убийство. Тело лежит на втором этаже.

Я отвечала довольно раздраженно, но все же посторонилась, впуская его в дом. Миссис Джеймисон вышла в прихожую.

Констебль Батчер протопал мимо нас. Свой мокрый шлем он, правда, снял и сунул под мышку, с него капало на ковер. Миссис Джеймисон что-то мяукнула в знак протеста.

– Убийство это или не убийство, мадам, еще предстоит установить. Пока коронер не вынесет вердикт, дело называется «инцидентом» или «происшествием». Где покойник? Наверху, говорите? – Констебль направился к лестнице.

– Мой муж... инспектор Росс велел мне никого не пускать на второй этаж до его возвращения! – громко сказала я.

Констебль Батчер, уже поставивший ногу на первую ступеньку, остановился и оглянулся:

– Он не имел в виду представителей полиции, мадам! – Теперь уничижительными были и его тон, и выражение лица.

Ничего не оставалось делать – пришлось пропустить его наверх. Он поднялся на второй этаж и распахнул дверь. Мы услышали его удивленный возглас. Потом он принялся топтать и

хлопать дверями, осматривая все помещения, не иначе, искал спрятавшегося там преступника. Никого не обнаружив, он спустился к нам и объявил:

– До прибытия подкрепления из Скотленд-Ярда я буду охранять дом. А вам лучше всего идти в гостиную и посидеть с другой дамой.

Со стороны черного хода слышались голоса.

– Грабители! – вскричал констебль Батчер, хватая дубинку и готовясь схватиться с незваными гостями.

Я вовремя схватила его за рукав:

– Скорее всего, вернулась служанка... Миссис Джеймисон посылала ее к нам за моим мужем, а там наша служанка отпаивала ее чаем.

– Это мы еще посмотрим! – буркнул констебль Батчер. – К вам могут нагрянуть грабители – они ведь еще не знают, что здесь я. На втором этаже лежит покойник, весь в крови, на него взглянуть страшно... А злодей, который на него напал, вполне вероятно, находится где-то поблизости. У вас тут орудовал опасный преступник!

Я подумала – и искренне понадеялась, – что убийца мистера Тапли давно покинул дом. Хорошо, что Батчер хотя бы перестал называть то, что произошло, «инцидентом» и, не дожидаясь вердикта коронера, заговорил о преступлении...

Констебль зашагал на кухню; я поспешила за ним. Как я и думала, за кухонным столом сидели Дженни и Бесси. Когда Батчер с угрожающим видом распахнул кухонную дверь, обе испуганно вскочили. Дженни вскрикнула; мне показалось, что у нее сейчас снова начнется истерика.

Обойдя констебля, я громко сказала:

– Вот видите! Та девушка служит в этом доме, а вторая – моя служанка.

– Как скажете, мадам, – нехотя согласился Батчер. Затем он строго посмотрел на обеих служанок и осведомился: – Как вы сюда вошли?

– Через черный ход, конечно! – фыркнула Бесси. – А вы как думали? Через парадные двери мы не ходим. Мы – прислуга.

Батчер в замешательстве смотрел на дверь черного хода. Я поняла, что он в затруднении. Как ему одновременно охранять парадный и черный ход? Поразмыслив, он запер дверь кухни на задвижку – теперь ее нельзя было открыть снаружи. Затем он подошел к окну и проверил защелку.

Только после этого он развернулся к нам и объявил:

– Дверь будет закрыта до тех пор, пока ее не откроет представитель полиции. Вы, миссис Росс, возвращайтесь в гостиную, так будет лучше всего. А вы, девушки... – Батчер недоверчиво воззрился на них, – оставайтесь здесь и не трогайте задвижку, даже если в дверь постучит сам архангел Гавриил! Я осмотрю окна нижнего этажа и сяду у парадной двери... Если кто-нибудь придет, я открою и сам со всеми разберусь, как сочту нужным.

К нашему огромному облегчению, констебль отправился выполнять свои обязанности.

– Вот дубина! – воскликнула Бесси. – Кто он такой?

– Наш патрульный констебль.

– Ему же не доверят вести следствие?

– От всей души надеюсь, что нет. Не волнуйся, инспектор Росс обо всем позаботится. Дженни, тебе уже лучше?

– Ах, миссис, я до сих пор вся дрожу, – ответила несчастная девушка.

– Бесси, завари ей еще чаю. Дженни, когда придут полицейские из Скотленд-Ярда, они захотят поговорить с тобой, так что возьми себя в руки!

– В меня больше чаю не влезет, – простодушно возразила бедняжка.

– Тогда просто постарайся успокоиться. Бесси, разожги плиту и посиди с ней.

Я вернулась в гостиную, чтобы сообщить миссис Джеймисон, что все под контролем. Тут мы услышали цокот копыт и грохот колес. Я снова подбежала к окну. У дома остановился закрытый четырехколесный экипаж. От дождя его поверхность блестела, словно лакированная, а теплый плащ возницы с капюшоном сверкал, как будто его обсыпали блестками. К моему облегчению, из экипажа выпрыгнул Бен, за ним последовали еще двое. В одном из них, том, что помоложе, я узнала констебля Биддла. Второго я не знала; пожилой, седоусый, он держал в руках очень знакомый мне саквояж. Я поняла, что Бен привез врача, который должен констатировать смерть и установить, давно ли умер бедняга Тапли.

Они поспешили к парадной двери, и я услышала, как Батчер приветствует их. Вскоре их голоса послышались в прихожей.

– Все хорошо, – утешила я миссис Джеймисон, которая испуганно смотрела на меня. – Это Скотленд-Ярд.

Глава 4

Инспектор Бенджамин Росс

Я уходил из дома миссис Джеймисон очень неохотно. Конечно, я полагался на здравый смысл Лиззи. Она и сама не пойдет наверх, и других туда не пустит. Миссис Джеймисон уже видела тело убитого жильца... вряд ли ей захочется снова на него посмотреть. В общем, я почти не сомневался в том, что моя жена и миссис Джеймисон, как я и просил, посидят в гостиной и запрут входную дверь. Но они оставались в доме одни, и это меня тревожило – ведь убийца мог притаиться где-то поблизости. Я отправился в сторону вокзала Ватерлоо, где собирался найти кеб, чтобы ехать в Скотленд-Ярд. Заморосил мелкий дождь; капли неприятно холодили шею. Из дому я выбежал без шляпы, но у меня не было времени возвращаться за ней. Я поднял воротник и поспешил по опустевшим улицам, освещенным газовыми фонарями.

Потом мне немного повезло. Повернув за угол, я увидел, что навстречу мне движется фигура патрульного констебля. Он приступил к вечернему обходу участка. Констебль оказался защищен от непогоды лучше меня: на нем был плащ с капюшоном. Когда я его окликнул, он включил фонарь «бычий глаз» и направил луч прямо на меня.

– Инспектор Росс, ведь так? – удивленно воскликнул он.

– Вы не ошибаетесь, и ради всего святого, уберите свет! Вы меня ослепили!

Констебль послушно выключил фонарь. Вглядевшись, я узнал патрульного, который регулярно обходил улицы нашего квартала.

– Ваша фамилия Батчер, если я не ошибаюсь?

– Так точно! – Ему польстило, что я помню его фамилию. – У нас все в порядке, сэр.

– Констебль, я вас не проверяю – это задача вашего сержанта. Я же ищу кеб, который доставил бы меня в Скотленд-Ярд. К сожалению, на нашем участке далеко не все в порядке! – Я быстро объяснил ему, что случилось, и приказал сразу же отправиться к дому миссис Джеймисон и охранять его. – Там произошло тяжкое преступление. Сейчас в доме находятся две незащищенные женщины, а наверху лежит труп убитого мужчины. Кстати, одна из двух женщин в доме – моя жена.

Батчер выпрямился во весь рост.

– Раз такое произошло на моем участке, сэр, я немедленно отправляюсь на место. Можете на меня положиться!

Он неуклюже затопал прочь.

Жернова мельницы правосудия иногда вращаются медленно, зато верно. Я нисколько не сомневался: заняв пост в доме миссис Джеймисон, Батчер не пропустит туда посторонних.

Хотя мне удалось довольно быстро найти кеб и добраться до Скотленд-Ярда, дневная смена уже закончилась. Сержанта Моррис ушел к себе домой, в Кемберуэлл. Мне доложили, что народу почти не осталось. Пришлось взять с собой констебля Биддла. Втолкнув Биддла в ожидающий нас кеб, я назвал адрес ближайшего полицейского врача. Пока мы заехали за ним и снова покатали на другой берег, прошло много времени, и мне все больше делалось не по себе. И все же к дому миссис Джеймисон наш кеб прибыл довольно быстро. Доктор Харпер не слишком обрадовался срочному вызову на работу – пришлось вытащить его из-за стола, семья как раз села ужинать. Зато Биддл отправился со мной с огромным удовольствием. Биддл молод и ретив, и все же в трудных делах я предпочел бы ему Морриса. По пути я гадал, сколько придется заплатить кебмену, и надеялся, что мне возместят расходы.

Когда мы вернулись к дому миссис Джеймисон и дверь нам отворил Батчер, я вздохнул с облегчением.

– У нас все спокойно, сэр, – доложил Батчер, как только увидел меня. – Дамы в гостиной, две служанки на кухне. Одна из них служит здесь, а другая у вас, мистер Росс. Они пьют чай и болтают без умолку – прямо оглохнуть можно от их болтовни! Да еще одна из них то и дело ударяется в слезы. Когда я пришел, их здесь не было, они объявились вскоре после моего прихода. Заодно я запер заднюю дверь – то есть дверь черного хода. По-моему, злодей сбежал именно через кухню и, возможно, так же и вошел! Я осмотрел все окна на первом этаже, ни одно не взломано.

– Как ему не терпится поскорее разгадать загадку! – негромко заметил я, обращаясь к Харперу, когда мы поднимались на второй этаж. – Но если в доме только одна служанка, которая часто оставляет незапертой дверь черного хода, проникнуть сюда было нетрудно.

Мы вошли в комнату, где лежал бедняга Тапли. Хотя раньше я уже видел покойника и знал, чего ожидать, меня передернуло.

На моей работе мне постоянно приходится сталкиваться с убийствами. По опыту я знаю, что гораздо чаще подобные преступления совершают представители так называемых низших классов. Пьяницы бросаются друг на друга с ножом в драке в питейных заведениях. Муж убивает жену в приступе пьяной ревности. Мотивы часто кажутся мелкими и несообразными тяжести совершенного преступления. Недавно я расследовал дело ростовщика, убитого в собственной лавке. Оказалось, что преступление совершил клиент, который в свое время заложил у ростовщика обручальное кольцо матери. Не сумев набрать денег, чтобы выкупить залог, он решил вернуть фамильную драгоценность по-другому... Иногда убивают ради того, чтобы получить грошовую страховку. Для тех, кто проводит все дни на улице, жизнь очень тяжела; и она лишь немногим легче для бедняков, которые вынуждены заниматься тяжелым физическим трудом. Искушение всегда подстерегает их.

Представители средних классов, как правило, не прибегают к таким крайностям. Они могут нанять адвоката, который защитит их интересы в суде. Они трепетно относятся к своей репутации. Конечно, и в так называемых приличных домах случаются преступления. Мне приходилось заниматься подобными делами... Правда, они редко доходят до суда, потому что представители среднего класса с фанатичным пылом цепляются за понятие «доброе имя». Избитая жена клянется, что налетела на столбик кровати. Соблазненной служанке затыкают рот деньгами и угрозами. Но убийство так легко не скроешь. Убийство – пятно, которое невозможно смыть. В случае убийства невозможно спровадить ведущих дело стражей порядка со словами «приходите как-нибудь в другой раз»! Убийство, совершенное в благопристойном окружении, особенно потрясает всех, кто с ним сталкивается. К тому же мистер Тапли проживал в добропорядочном доме квакеров... Последнее обстоятельство придавало произошедшему особенно странный оттенок.

Томас Тапли, книжник, вел уединенный образ жизни и выглядел бедняком, но все считали его «джентльменом». Вряд ли он ожидал, что его жизнь закончится вот так. Я тоже не представлял, чтобы такого человека могли забить насмерть... Я приказал себе встряхнуться, перестать философствовать и поскорее приступить к делу.

Насколько я мог судить, потерпевший лежал в том же положении, в котором я его видел в последний раз. Тапли скорчился на полу; его лицо было повернуто к камину. Возможно, нерастопленный камин – последнее, что он видел, умирая. Похоже, на втором этаже вообще давно не разжигали огонь. Я не заметил на железной решетке ни пепла, ни золы. Кроме того, в комнате царила настоящая стужа: даже сквозь пиджак холод пробирал до костей. Интересно, как он мог сидеть и читать в такой холодной комнате и почему не просил развести огонь? Может быть, у него не было лишних денег, чтобы платить за дрова и уголь?

Глаза и рот Тапли были открыты, на лице застыло недоуменное выражение. Затылок превратился в кровавую кашу. Из ран на голове вытекло много крови; на ковер натекла целая лужа, в которой я увидел кусочки мозга. При жизни Тапли был человеком тщедушным, а после смерти казался и вовсе усохшим – крошечная беспомощная фигурка. Справиться с ним было нетрудно, да и не было ни малейших признаков борьбы. Судя по всему, до нападения Тапли читал книгу. Окровавленная, раскрытая корешком кверху, она валялась на полу рядом с трупом. Убийца тихо открыл дверь, неслышно приблизился по ковру к поглощенному книгой Тапли, замахнулся, и...

В подобной ситуации всегда первым делом проверяют железные каминные приборы. Я посмотрел на подставку у холодного камина. Все приборы – кочерга, лопатка, щипцы – были на месте; следов крови на них я не заметил. Видимо, орудие убийства преступник принес с собой, а потом забрал. Нет, Тапли убил не грабитель, которого он нечаянно спугнул! Преступник явился к нему с намерением убить. Но зачем кому-то убивать такого безобидного, тихого человека, как Тапли?

При виде трупа Биддл тихо ахнул и заметно побледнел, но, когда я бросил на него вопрошительный взгляд, заверил меня, что с ним все в порядке.

– Ступайте на кухню и допросите служанку Дженни, – приказал я ему. – Особое внимание обратите на то, кто в последние дни заходил к ним в дом, в том числе с черного хода.

Потенциальный вор нередко прикидывается поклонником служанки, чтобы проникнуть в дом. Спросить, не было ли такого, необходимо. Возможно, Дженни и не захочется выдавать своего «ухажера». Но с Биддлом она, скорее всего, будет говорить свободнее, чем со мной, просто потому, что он ближе ей по возрасту.

Доктор Харпер тем временем опустился на колени рядом с трупом.

– Плохо дело, – заметил он.

Пока он осматривал жертву, я оглядывался по сторонам. Мы находились в гостиной жилья – так сказала хозяйка дома. Для одного человека комната была вполне просторной и уютной, но очень холодной... Почему здесь не топили? Возможно, Тапли договорился с хозяйкой, что после ужина он может читать в тепле на первом этаже?

Я сразу увидел, что главным предметом обстановки здесь служит книжный шкаф, набитый книгами. Я вытащил несколько томов наугад. Почти все они оказались не новыми. Среди них было несколько романов и сборников стихов, но большинство книг касались широкого круга практических вопросов: здоровья, юриспруденции, истории, путешествий... Поля многих книг пестрели пометками, сделанными одним и тем же мелким, убористым почерком. Надо будет спросить миссис Джеймисон, узнает ли она руку своего жильца, – я подозревал, что примечания написаны именно им. Видимо, Тапли отличался глубокими и разносторонними интересами. Любопытно, привез ли он все книги с собой или купил их в последние полгода?

Оставив Харпера осматривать труп, я вышел в соседнюю комнату. Миссис Джеймисон сказала, что Тапли занимал две комнаты окнами на фасад, значит, рядом с гостиной помещалась его спальня. Мои предположения подтвердились. На умывальнике с мраморной столешницей стояли таз, кувшин для воды и кружка для бритья, расписанная незабудками. Постель была аккуратно застелена. На низком прикроватном столике лежала еще одна книга; рядом стояла свеча и пустая фарфоровая подставка – наверное, для булавок. Открыв платяной шкаф, я увидел в нем всего одно пальто мистера Тапли. На полу стоял пустой потертый саквояж. Один за другим я выдвинул ящики комода. В них лежали лишь несколько носовых платков, одна запасная рубашка, несколько пар шерстяных кальсон и вязаных чулок. Все указывало на то, что мистер Тапли не был щеголем. Я вернулся к прикроватному столику и полистал лежавшую на нем книгу, надеясь найти дарственную надпись. Но книга оказалась переводом с немецкого – путешествие Гете по Италии. Неожиданно я сообразил, что не увидел ни одного религиозного труда. Мистер Тапли поселился у квакерши не потому, что отличался особой набожностью.

Личность мистера Тапли все больше интересовала меня. Его скудные пожитки говорили о весьма ограниченных средствах к существованию, однако он где-то находил деньги на оплату комнат и покупку книг. Может быть, он получал небольшую пенсию? Или жил на проценты с незначительного, но удачно помещенного капитала?

Выйдя из спальни, я осмотрел коридор второго этажа. С противоположной стороны находилась спальня миссис Джеймисон. Из окна открывался вид на задний двор. Здесь, видимо, было тише, чем в другой спальне, выходившей окнами на улицу. Кроме того, в спальне хозяйки по утрам было больше света. Стоявший там умывальник с мраморной столешницей казался близнецом того, что я видел в комнате Тапли.

Интересно, как Дженни по утрам приносила сюда горячую воду? Дойдя до дальнего, темного конца коридора, я увидел узкую железную винтовую лестницу, которая, должно быть, вела на кухню. Если убийца Тапли проник в дом через кухню, он наверняка поднялся на второй этаж по черной лестнице... и по ней же спустился.

Я вернулся в гостиную. Харпер по-прежнему стоял на коленях рядом с трупом. Не спеша осмотрев верхнюю часть тела, доктор закрыл мертвецу рот и чуть подвинул его голову. Затем он слегка откинулся и окинул фигуру Тапли задумчивым взглядом. Я достал из кармана записную книжку и тщательно зарисовал положение мебели и тела. Кроме того, набросал план второго этажа и отметил две лестницы – парадную и черную. Я наносил последние штрихи, когда Харпер вздохнул и встал.

– Что ж, инспектор, по моему мнению, причиной смерти стали удары по затылку каким-то тупым орудием. Ударов было не менее двух, и нанесены они чем-то вроде воровской «фомки», – сухо сказал он.

– «Фомки»?! – воскликнул я.

Неужели речь все же идет о грабителе-домушнике? Короткая и тяжелая «фомка» считается излюбленным орудием взломщиков; с ее помощью они вскрывают окна, ящики стола и прочее, для чего требуется приложить силу. Разумеется, «фомка» пускается в ход и в тех случаях, когда злоумышленника заставляли врасплох. Но в наши дни грабители стараются не переходить известных границ. За ограбление уже не вешают, а вот за убийство... Тапли был человеком хрупким. Крепкий домушник спокойно мог сбить его с ног одним ударом кулака, не прибегая к дальнейшему насилию. Я нахмурился. Нет, взломщик не стал бы подкрадываться к ничего не подозревающему пожилому человеку, мирно читающему в кресле. Все роковые удары пришлось на заднюю часть черепа. Предположим, Тапли услышал шаги незваного гостя. Тогда он должен был вскочить и развернуться лицом к опасности, в таком случае удары пришлось бы спешить или сбоку. Затем нападавший убежал бы. С другой стороны, если бы грабитель приоткрыл дверь в комнату и увидел, что в кресле сидит ничего не подозревающий, погруженный в книгу человек и ничего вокруг себя не замечает, он бы, скорее всего, снова тихо закрыл за собой дверь и постарался поскорее сбежать.

Констебль Батчер доложил, что осмотрел окна на первом этаже и не обнаружил следов взлома, – я не успел этого сделать, потому что спешил в Скотленд-Ярд, но поверил ему на слово. Батчер человек опытный. Наверняка ему пришлось осматривать многие места преступлений. В таких делах он вряд ли ошибается. Все подтверждало, что незванный гость проскользнул в дом через приоткрытое окно или дверь, скорее всего, на кухне.

– Я сказал «фомка» только для примера, – пояснил Харпер. – Орудие должно быть достаточно тяжелым, чтобы один удар причинил серьезные повреждения. По моему мнению, преступник приложил значительную силу, гораздо больше той, чем требовалось.

– Вы можете назвать время смерти? – спросил я.

Харпер позволил себе едва заметно улыбнуться:

– Мой дорогой инспектор Росс, вам, так же как и мне, прекрасно известно, что о подобных вещах судить очень трудно. Но в данном случае нам, если можно так выразиться, повезло.

Несмотря на слабые ранние признаки, трупное окоченение только начинается. Даже мышцы челюсти и шеи еще в какой-то степени сохраняют подвижность, а они, как вы знаете, затвердевают в первую очередь.

– Значит, он умер не так давно, – сказал я.

– Вот именно, инспектор. Пройдет еще несколько часов, прежде чем все мышцы застынут полностью. По-моему, несчастный умер незадолго до того, как вы нанесли визит в этот дом и увидели его. В котором часу вы пришли?

– Чуть позже половины восьмого. – В моей голове теснились разные догадки и предположения, равно неприятные, и я понимал, что голос выдает мое состояние.

Харпер достал карманные часы и взглянул на циферблат:

– Ну а сейчас почти половина десятого. Итак, смерть наступила... между пятью и... тем временем, когда вы его нашли. Или, точнее, когда его обнаружила служанка, около четверти восьмого.

Я надеялся, что Биддл хорошенько расспросит служанку. Кто-то сравнительно недавно вошел в дом, убил Тапли и незаметно для остальных выскользнул отсюда. Я похолодел, сообразив, что преступник, возможно, прятался в доме, когда я вошел в эту комнату! Он бежал, пока я находился здесь – стоял и рассматривал дело его рук! Миссис Джеймисон и Лиззи сидели в гостиной на первом этаже. Дженни была у нас дома – ее утешала Бесси. Убийца мог почти беспрепятственно уйти – во всяком случае, с моей стороны никаких препятствий не было. И почему я сразу не обыскал дом?! Конечно, Тапли я бы не спас, но, возможно, увидел бы убийцу, и, даже если бы злодей сбил меня с ног и бежал, я бы запомнил его приметы.

Харпер тем временем с любопытством смотрел на меня. По-моему, он прекрасно понимал, о чем я думаю.

– Доктор, вам, наверное, уже пора, – сказал я. – Спасибо за то, что согласились сегодня приехать!

Он кивнул:

– Я распоряжусь, чтобы тело забрали и перевезли в похоронное бюро.

Вниз мы спустились вместе. Я пожал доктору Харперу руку, и он уехал. В гостиной я застал Лиззи и миссис Джеймисон, поглощенных разговором. Скоро почтенная вдова поймет: когда она послала Дженни за мной, убийца мог еще находиться в ее доме! Но это могло подождать. Я спросил, приходил ли сегодня кто-то к ней в дом, особенно около полудня. Она покачала головой и несколько раз повторила, что день выдался тихим и никто к ней не приходил. Все более правдоподобным казалось, что злоумышленник проник в дом через кухню. Но мне необходимо было убедиться наверняка.

– Ваш жилец занимал две комнаты во втором этаже окнами на фасад, – сказал я. – Если бы он смотрел в одно из окон и заметил, что к дому приближается кто-нибудь из тех, кто собирался его навестить, мог бы он спуститься вниз и открыть своему гостю парадную дверь? Провести его наверх без вашего ведома и без ведома вашей служанки?

Миссис Джеймисон признала, что такое возможно. У нее каждый день находится много дел по хозяйству. Она предпочитает не сидеть сложа руки, ведь лень – мать всех пороков. Она шила, штопала одежду и писала письма в малой гостиной. Зимой и в такие холодные дни, как сегодня, Дженни разжигает огонь в камине в гостиной в пять часов.

Я не мог не упомянуть о холоде в комнатах жилья.

Миссис Джеймисон несколько не смутилась. По ее словам, камин на втором этаже не разжигали вот уже три недели из-за того, что значительно потеплело. Впрочем, заверила она меня, она непременно приказала бы растопить камин, если бы Тапли попросил ее об этом.

– Я несколько раз говорила ему, что совсем не обязательно мерзнуть, – сказала она. – Видите ли, у меня сложилось впечатление, что он привык к такого рода экономии и именно поэтому не просил, чтобы в его комнате растапливали камин теперь, когда кончилась зима. Я

заверила его в том, что по вечерам, после пяти, он может греться в гостиной на первом этаже. Но холод его как будто не беспокоил, а так как у Дженни дел всегда больше чем достаточно, признаюсь, я не настаивала... Дженни приходится поддерживать огонь в гостиной и помогать мне готовить ужин. Когда мы с мистером Тапли садились ужинать, она прислуживала за столом, убирала и мыла посуду. Затем она готовила столовую к моему завтраку. Она девушка старательная, но было бы несправедливо заставлять ее каждый вечер бегать вверх-вниз, чтобы следить и за вторым камином, а по утрам убирать пепел со второго этажа, раз жилец того не желал. Конечно, зимой дело другое. Тогда и мистер Тапли не отказывался от камина. И даже если бы отказывался, я бы настояла на своем.

Миссис Джеймисон замолчала и сокрушенно покачала головой. Лиззи, поймав мой взгляд, покосилась на вдову и быстро проговорила:

– У мистера Тапли имелся свой ключ от парадной двери.

Очень важная подробность! Я снова поспешил наверх.

Пальто мистера Тапли висело в платяном шкафу, и я первым делом обшарил его карманы. Затем я опустился на колени возле тела и проверил карманы его пиджака. Я нашел золотые карманные часы с крышкой, что показалось мне довольно любопытным – и не только потому, что грабитель непременно унес бы такую дорогую вещь. Выходит, Тапли не был настолько беден, чтобы продать или заложить часы. Более того, золотые часы указывали на то, что, возможно, в прошлом он был человеком довольно состоятельным! Я открыл крышку, надеясь найти под ней гравировку, но не нашел. Часы выглядели помятыми и слегка потертыми, из чего можно было предположить, что они много лет обитали у хозяина в кармане. И тем не менее это была дорогая вещь.

Однако ничего похожего на ключ от парадной двери я не увидел. Я выдвинул ящики стола и тщательно проверил все возможные места, но ключа так и не обнаружил.

Я снова спустился вниз и обратился к хозяйке дома:

– Миссис Джеймисон, очень рекомендую вам завтра первым же делом вызвать слесаря. Пусть сменил замок на парадной двери. Возможно, ключ Тапли наверху, но я его не нашел. Значит, есть вероятность, что его унес убийца. Возможно, он искал что-то в квартире Тапли, но не нашел. Значит, он еще может вернуться!

– Миссис Джеймисон и Дженни должны сегодня ночевать у нас! – тут же воскликнула Лиззи и повернулась к хозяйке дома: – Скоро тело мистера Тапли увезут. В ваш дом нагрянут полицейские... вам совсем не обязательно здесь находиться. Кроме того, пропавший ключ вполне мог унести убийца. Прошу вас, пойдемте к нам!

Миссис Джеймисон перевела взгляд на меня:

– Инспектор, вы подождете, пока я соберу небольшую сумку?

Не скрою, я колебался. Мы еще не провели тщательный обыск дома. Мы понятия не имели, где находится оружие убийства. Мне не следовало допускать, чтобы из дома что-нибудь выносили, особенно мелкие вещи, которые можно спрятать в саквояже или сумке. К сожалению, на данном этапе подозрение падало и на почтенную вдову, и на ее служанку, ведь убийство произошло в их доме! Но, внушал себе я, если бы миссис Джеймисон задумала воспользоваться удобным случаем и спрятать какой-нибудь мелкий предмет (в данном случае роковое «тупое оружие»), у нее уже имелась такая возможность после того, как она отправила Дженни на мои поиски. Она пробыла в доме одна не менее пятнадцати минут; этого времени хватило бы, чтобы смыть кровь и избавиться от оружия убийства. Зачем ей было дожидаться моего прихода?

И ключ своего жилья могла взять она сама, чтобы сбить нас со следа. Ей почти ничего не пришлось бы делать, только надеть его на собственную связку.

Дженни тоже могла избавиться от улики до того, как она прибежала к нам и забилась в истерику. Мне показалось, что она сама не своя от ужаса, но вполне возможно, что Дженни искусно притворялась...

Я сокрушенно покачал головой. За то время, пока я медлил, злодей вполне успел бы убежать на другой конец страны. Ему ничего не стоило незаметно выскользнуть из дома и выкинуть оружие убийства в Темзу – ведь река в двух шагах отсюда.

– Конечно, – ответил я миссис Джеймисон. – Соберите все, что нужно на несколько дней, но, если можно, только самое необходимое.

Когда она вышла, я спросил у Лиззи, что еще ей удалось узнать, и жена подробно пересказала, о чем они с миссис Джеймисон говорили.

– Лиззи, ты бы назвала миссис Джеймисон наивной дурочкой или доверчивой женщиной? – спросил я.

Моя жена решительно покачала головой:

– Нет, я назвала бы ее практичной, очень способной и умной.

Я глубоко вздохнул.

– Вот и наш мистер Тапли, по-моему, совсем не был дураком! Ему удалось практически без всяких рекомендаций втереться в доверие к миссис Джеймисон. Письма от его прежней квартирной хозяйки я в расчет не беру, потому что прежняя хозяйка, скорее всего, знала о нем так же мало, как и теперешняя. Тапли уговорил миссис Джеймисон дать ему ключ от дома, а сам, пока жил здесь, ничего не рассказывал ни о своем прошлом, ни о том, где он проводит время. До сегодняшнего дня, насколько нам известно, к нему никто не приходил.

– Думаешь, он сам впустил убийцу в дом? – тихо спросила Лиззи.

– Пока я ничего не исключаю... Однако, скорее всего, на него напали в то время, когда он читал. Он ни с кем не разговаривал. По-моему, убийца проник в дом через кухню... Но, возможно, раньше Тапли сам, не сообщая об этом хозяйке, впускал в дом своих гостей. Лиззи, он непременно общался с кем-то из внешнего мира, и я должен выяснить с кем! Если отвести предположение, что его убил вор-но вичок, который бежал, не взяв золотые часы, придется искать случайного человека. Незнакомца, который без всяких видимых причин зашел в первый попавшийся дом и убил Тапли, которого никогда раньше не видел. – Я покачал головой. – Как ты понимаешь, это маловероятно!

На улице снова загрохотали колеса. Я подошел к окну. У дома остановился мрачный экипаж без окон. Два человека вынесли из него простой гроб.

– Лиззи, будь добра, поднимись к миссис Джеймисон и попроси ее ближайшие полчаса не покидать своей комнаты! Ты тоже посиди с ней. Закройтесь изнутри. Сейчас тело вынесут из дома; такое зрелище не для ваших глаз.

Лиззи поспешила на второй этаж, а я открыл дверь служащим покойницей. Бурные события у нашего дома привлекли внимание соседей. В окнах всех домов на улице колыхались занавески. За стеклами, подсвеченные тусклым газовым светом уличных фонарей, виднелись бледные овалы лиц. К утру все жители нашего квартала будут знать, что здесь произошло. Я проводил приехавших в комнату наверху, где лежал Тапли. Они уложили тело в гроб. Лица служителей были бесстрастны. Двигались они быстро и уверенно и не разговаривали даже друг с другом. Для них Тапли был всего лишь одним покойником из многих.

Гроб снесли вниз и погрузили в экипаж. Снова загрохотали по мостовой колеса... В верхних этажах соседних домов снова задернулись занавески.

Я поднялся на второй этаж по черной лестнице и на верхней ступеньке увидел Дженни. О ней я совсем позабыл. Девушка прижимала к груди узелок с вещами. Биддл не отходил от нее. Он как будто надзирал за тем, как она собирает вещи, если так можно назвать заворачивание в платок ночной сорочки и гребня. Впрочем, Биддл беседовал с ней по-дружески, против чего Дженни нисколько не возражала.

– Теперь надо будет чистить ковер наверху, – обиженно заметила она.

– С чисткой ковра придется подождать, – возразил я. – Завтра комнату будут осматривать представители полиции. – Услышав из комнаты миссис Джеймисон голоса, я постучал в дверь и крикнул: – Можете спускаться!

Дверь открыла Лиззи. За ней я увидел миссис Джеймисон; в одной руке она сжимала небольшой саквояж, а другой прижимала к себе Библию.

– Мы готовы!

Я попросил миссис Джеймисон вначале походить со мной по дому и проверить, не пропало ли что и все ли предметы находятся на своих местах. Я объяснил, что ее дом тщательно обыщут. Но если она заметит признаки кражи, мы сможем понять мотив убийцы.

– Хотите, я тоже пойду, мадам? – вызвалась Дженни.

– Пусть она тоже пойдет, – распорядился я. – Она может что-нибудь заметить.

Биддлу поручили снести вниз саквояж миссис Джеймисон и узелок Дженни. Лиззи последовала за ним.

Обе женщины наотрез отказались входить в комнату, где произошло убийство, зато все остальные помещения мы осмотрели. Миссис Джеймисон и Дженни заверили меня, что все стоит на своих местах и ничего не пропало. Обе заметно погрузтели в столовой. Стол там был накрыт к ужину, который так и не состоялся. Из кухни пахло жареной свининой, однако никакого мяса я не увидел.

– Я убрала окорок к вам в кладовку, миссис, – обратилась Бесси к миссис Джеймисон. – Его никак нельзя оставлять на ночь на столе; до него непременно доберутся крысы.

Я попросил у миссис Джеймисон ключ от ее дома.

– Когда мы покончим с нашими делами, мы запрем все двери. Утром вы получите ключ назад.

– Конечно, – пробормотала она.

Когда все четыре женщины вышли из дома, мы с Биддлом снова обыскали оба этажа, но не нашли ничего интересного. Для меня самым странным было исчезновение второго ключа. Судя по всему, его унес убийца. Это могло означать только одно: он собирался вернуться. Зачем? Может быть, ему тоже помешали, и у него не хватило времени на обыск? Он что-то искал, но определенно не золотые часы. Хотя они представляли собой ценную находку, они не стоили того, чтобы из-за них возвращаться и рисковать жизнью и свободой. Хотя версию ограбления мы не исключали. Меня беспокоило, что Харпер упомянул «фомку», – я подозревал, что мы имеем дело с предумышленным убийством. Придется работать не покладая рук, чтобы выяснить, какой мотив за всем этим кроется.

– Ну, что говорит Дженни? – обратился я к Биддлу. – Вы выяснили, кто приходил к ним в последние дни? Разъездные торговцы, корабейники, лавочники, посыльные, нищие?

– Вчера заходил за заказом мальчишка от булочника. – Биддл достал записную книжку и принялся нарочито медленно листать страницы. – Он заходит к ним регулярно, сэр, с тех самых пор, как Дженни стала здесь служить. То есть почти два года, сэр... Я хочу сказать, что она прослужила у миссис Джеймисон два года. Сама девушка не местная. Она родом из Чатама; ее отец и братья работают на судоверфи. Но у нее есть тетка, которая служит в одной квакерской семье в Клапаме; она и нашла Дженни место у миссис Джеймисон. Дженни не из квакерской семьи, но ей нравится работать в квакерском доме, потому что это хорошая рекомендация, если потом ей понадобится найти другое место. Квакеры не пьют, не играют в азартные игры, не сквернословят и так далее... и в домах у них обычно чисто и опрятно.

Я попросил Биддла сократить рассказ о прошлом и возможном будущем Дженни и остановиться на событиях, пред шествовавших роковому дню. Оказалось, что в дом никто не заходил, кроме мальчишки-булочника, который всегда принимает заказы у черного хода, и двух приятельниц миссис Джеймисон, с которыми она вчера вечером пила чай. Кроме того, каж-

дый день по улице проезжает тележка молочника. Дженни выходит с кувшином и покупает у него молоко. Молочник не заворачивает во двор, он останавливается на улице напротив дома. На памяти Дженни мистер Тапли гостей не принимал. Однако она считает, что он мог впустить кого-то сам и проводить гостя наверх незаметно и для нее, и для хозяйки. Есть ли у нее подозрения, что мистер Тапли принимал гостей втайне от них? Нет, ничего такого Дженни за ним не замечала. Ей не кажется, что мистер Тапли был особенно скрытным. В день убийства он никого не ждал – так ей показалось, хотя она его не видела. По ее предположению, утром он, как обычно, пошел в кофейню, потому что, когда она поднялась наверх, чтобы застелить постель и вытереть пыль, его в комнате не было. Все выглядело как обычно.

«Только книги повсюду, – заметила Дженни. – Одни слова, тысячи слов. Прямо удивительно!»

Я видел, что Биддл согласен с мнением служанки.

Дженни, как выяснилось, умела читать и писать и однажды заглянула в какую-то книгу Тапли. Но шрифт оказался слишком мелким, слова слишком длинными и незнакомыми. Ей быстро стало скучно.

«Он был чудаковатым старичком, – дословно процитировал Биддл по своим записям, – очень старомодно одевался, и выражения у него были забавные. Например, чайную чашку он называл бокалом. Но разговаривал всегда очень вежливо».

Загадка усугубилась. Зачем кому-то понадобилось лишить жизни такого человека? Подозрительный в силу своей профессии, я решил, что Томас Тапли был не таким простым, каким хотел казаться. Удастся ли нам выяснить, в чем тут дело?

Оказалось, что Биддл еще не закончил. Последние слова Дженни стали очень важными. Выяснилось, что дверь черного хода, откуда можно попасть на кухню, целый день была открыта, поскольку Дженни все время «бегала туда-сюда». За дровами, чтобы поддерживать огонь в кухонной плите, к угольному сараю, откуда она брала топливо для камина в гостиной, и к насосу, где она качала воду для домашних нужд. И поленница, и угольный сарай, и колонка находились на заднем дворе. Кроме того, миссис Джеймисон держала в сарае несколько кур. Дженни кормила их и собирала яйца.

Я спросил, где находятся куры в течение дня. Бродят ли они свободно по двору? Биддл ответил, что в светлое время суток птицу держат в переносной проволочной клетке, а на ночь запирают в сарае. Дженни все ему показала.

– Ей целый день приходится перетаскивать клетку с места на место, чтобы куры кормились жуками и червяками. Но в пять часов она заперла птицу в курятник... – Биддл немного смутился. – Я нарочно попросил ее выйти со мной во двор и все мне показать, потому что вторая девушка, ваша служанка Бесси, то и дело перебивала меня, а мне хотелось допросить Дженни без помех.

Я живо представил себе эту сцену и мысленно похвалил Биддла за находчивость.

– Жаль, что сегодня не было дождя, – проворчал я. – Тогда во дворе могли бы остаться четкие следы. – Я вспомнил о курах и спросил вслух: – Интересно, не закудахтали бы они, если бы увидели чужого человека?

– Нет, сэр, – возразил Биддл. – Прошу прощения, но куры бы ничего не заметили. Вот гуси – те гогочут, если увидят чужих. А куры – глупые создания. Гуси же ничем не хуже сторожевой собаки. Мой дед их разводит. У него на заднем дворе живет и свинья, которая питается отбросами. Свиньи – животные полезные.

Я доверился познаниям Биддла в животноводстве и похвалил его за то, что он так тщательно допросил служанку и осмотрел двор. Я велел ему все аккуратно переписать, чтобы его записи вошли в протокол. Биддл покраснел до кончиков своих довольно больших оттопыренных ушей и пылко благодарил меня до тех пор, пока я не приказал ему замолчать.

Затем Биддл вспомнил еще одну важную подробность. По словам Дженни, никакого «ухажера» у нее нет. Миссис Джеймисон не допустила бы ничего подобного.

– Хотя эта Дженни довольно хорошенькая, – присовокупил Биддл.

Я велел ему отправляться домой и составить рапорт – он обязан сдать его к завтрашнему утру. Кроме того, я посоветовал ему выбросить из головы не относящиеся к делу мысли о свидетельницах.

Биддл покраснел еще больше. Я испугался, что его голова вспыхнет и запылает от возбуждения, чего мне бы совсем не хотелось.

Глава 5

Когда я наконец отправился домой, уже забрезжил рассвет. Я люблю это время дня и, как я ни устал и ни тревожился из-за нового дела, полной грудью вдыхал утренний воздух, еще относительно чистый и свежий. Первые рабочие отправлялись на фабрики и заводы. Они обходили лужи, скапливавшиеся у сточных канав. Из труб поднимались первые струйки дыма – домохозяйки или служанки растапливали плиты на кухне. Я мог бы без труда угадать, о чем сегодня будут говорить во всех домах нашего квартала за завтраком.

У нас в доме стояла тишина, камин в гостиной давно погас, но в комнате было еще тепло. Я сел в кресло перед погасшим очагом и заснул.

Меня разбудили шаги и голоса. Открыв глаза, я увидел, что надо мной стоит Лиззи с чашкой чаю в руке. Покосившись на часы, я понял, что проспал почти полтора часа. Из кухни доносился звон посуды – Бесси с помощью Дженни готовила завтрак.

– Миссис Джеймисон сейчас спустится, – сообщила Лиззи. – Надеюсь, бедняжка хоть немного поспала. Я сама спала, как сурок, – призналась она. – Скажу кому-нибудь из девушек, чтобы отнесли тебе наверх кувшин с горячей водой для бритья.

Когда, побрившись и переодевшись в чистую рубашку, я спустился вниз, миссис Джеймисон и Лиззи уже сидели за столом. Я спросил нашу гостью, как она спала.

– Неважно, инспектор, хотя кровать у вас очень удобная. Большое спасибо вам и миссис Росс за доброту. Но не стану докучать вам и вторую ночь. Мне не терпится сменить замок в двери. Я знаю одного слесаря; думаю, он придет сразу, как только я его позову. Мне пора возвращаться. Нехорошо, что дом пустует. И если у кого-то есть ключ, он может вернуться и забрать все ценное, что найдет!

– Констебль Батчер всю ночь присматривал за вашим домом, – заверил я ее, хотя мне показалось, что мои слова ее не убедили.

До того как они с Дженни от нас ушли, я усадил их в гостиной и еще раз допросил обеих. Я начал с Дженни, поскольку накануне не проводил с ней долгой беседы, а ведь труп обнаружила она. Меня немного беспокоило, как бы она снова не разрыдалась, но под присмотром хозяйки Дженни вела себя вполне разумно. Рассмотрев ее получше, я невольно согласился с Биддлом – Дженни в самом деле была хорошенькой. Такую кожу, как у нее, по традиции приписывают молочницам; у нее были круглые голубые глаза и волосы медного цвета. Неужели у такой красивой девушки нет кавалера? Может быть, он остался в ее родном Чатаме. Или украдкой проник в дом, поднялся по черной лестнице на второй этаж и зверски убил Томаса Тапли...

– Хозяйка послала вас проверить, почему мистер Тапли не спускается к ужину. Пожалуйста, вспомните, что вы тогда делали. Постарайтесь рассказать, что вы заметили или слышали.

– Я только постучала в дверь, сэр, и позвала его. До того момента я не видела и не слышала ничего странного. Честно, сэр, в тот день я никого в дом не впускала. Конечно, кто-то мог войти через кухню, когда меня там не было, и так же выйти, но он ужасно рисковал, сэр, потому что либо я, либо миссис Джеймисон могли в любое время вернуться. Если он так поступил, значит, он умеет пробираться к людям в дома и выходить из них! – Она с невинным видом уставилась на меня своими голубыми глазами.

Притворяться невинными овечками умеют в том числе и закоренелые преступники, так что ее взгляд меня не убедил. Но, откровенно говоря, Дженни не производила впечатление хитрой особы, прирожденной обманщицы. С другой стороны, мне не хотелось ее пугать. Независимо от того, честна она со мной или ей есть что скрывать, она успокоится, если поймет, что я ей верю. Она успокоится и, возможно, заговорит свободнее.

– Да, да, Дженни. Прошу вас, расскажите, что было после того, как вы постучали в дверь вашего жилья.

– Он не ответил, сэр, и я подумала: может быть, он задремал в кресле, ведь он человек пожилой. Один или два раза так уже было. Поэтому я приоткрыла дверь и заглянула в комнату, думая, что разбужу его... О боже мой! – Дженни осеклась и испуганно покосилась на хозяйку. – Извините, мадам, сорвалось с языка, я хотела сказать: «Ах, подумать только!»

Даже миссис Джеймисон последние слова девушки немного позабавили.

– Он лежал на ковре, – продолжала Дженни, – весь избитый и окровавленный. Никогда в жизни не видела ничего подобного! Ни разу! Мой папаша работает на Чатамской верфи. У них иногда бывают несчастные случаи, когда люди калечатся, но, наверное, и они не видели ничего хуже, чем видела я. Надеюсь, что больше никогда, до конца своих дней, ничего подобного не увижу!

Когда я был мальчишкой и работал на шахте в родном Дербишире, тоже видел искалеченные тела горняков. Меня до сих пор передергивает, когда я вижу труп; поэтому решил, что Дженни можно простить вчерашнюю несдержанность.

Дженни совершенно определенно заявила, что весь день к ним никто не заходил и не было гостей. Кухонную дверь они не запирали, потому что ей часто приходилось выбегать во двор. Но она не может понять, как незваный гость мог пробраться мимо нее.

– Он ловкий вор, сэр, вот что! Бедный мистер Тапли спугнул его, и злодей вышиб бедному старичку мозги!

Я все же не мог с ней согласиться. Судя по позе Тапли, все было наоборот: убийца застал его врасплох. Но не обсуждать же это с Дженни. Я велел ей подождать на кухне вместе с Бесси, поскольку мне нужно побеседовать с ее хозяйкой.

Перед уходом Дженни еще раз пылко произнесла, что она не виновата, если кто-то проник в дом. День у нее выдался трудный. Нельзя ожидать, что у нее глаза на затылке. Я решил на время забыть о предположении, что преступником стал какой-нибудь ее поклонник. Впрочем, в это я и сам не слишком верил. Возможно, у девушки просто нервы не в порядке, – мне нескоро удастся забыть ее рыдания на полу у нас на кухне – но во всем остальном она кажется вполне разумным созданием.

После того как Дженни вышла, я повернулся к миссис Джеймисон. Она рассказала мне примерно то же, что поведала Лиззи накануне вечером. Меня снова поразило, как легко Тапли втерся к ней в доверие. Миссис Джеймисон, однако, и сама все понимала; сейчас она, похоже, сожалела о своей наивности.

– В самом деле, я не могу винить Дженни, если кто-то незаметно проник на кухню, ведь я сама сдала мистеру Тапли комнаты, практически ничего не зная о нем. Жаль, что я не могу вам объяснить, как это все получилось, но он показался мне таким симпатичным и безобидным!

Я мрачно подумал, что часто встречался с подобными ему типами в силу своей профессии.

– Миссис Джеймисон, прошу вас, ответьте откровенно: не просил ли мистер Тапли у вас когда-нибудь денег взаймы?

– Нет, что вы, инспектор! – изумилась она. – Конечно нет! Он всегда регулярно платил за комнаты и никогда не просил у меня отсрочки... Да, япустила в дом мистера Тапли без должных рекомендаций. – Затем она, к моему удивлению, продолжала: – Не думаю, что он – мошенник на доверии... Кажется, так называются такие люди?

Мысленно я согласился с Лиззи. Миссис Джеймисон оказалась вполне разумной женщиной; ее никак нельзя было назвать наивной. Правда, она сдала Тапли комнаты, практически ничего о нем не зная, но, возможно, тогда она решила, что у нее нет оснований ему отказывать. Неужели все мои подозрения насчет мистера Тапли необоснованны?

Я проводил ее до дома. Дженни с унылым видом плелась за нами. Интересно, подумал я, скоро ли она попросит у своей хозяйки-квакерши рекомендательное письмо, чтобы найти себе другое место. Прежде чем уйти, я напомнил женщинам, что они не должны входить в комнаты, которые занимал Тапли. Там ничего нельзя трогать до тех пор, пока полиция не даст разрешение.

– Наверное, сегодня я еще зайду к вам вместе с другим полицейским, – предупредил я. – Мы должны будем внимательно осмотреть комнаты вашего бывшего жильца при дневном свете.

Помимо обыска, мы пока ничего не могли предпринять. Кроме того, я должен был сообщить об убийстве в редакции газет, чтобы новость появилась в вечерних выпусках. Возможно, кому-то что-то известно о произошедшем... Словом, нам пока приходилось полагаться на удачу.

Утром, когда я пришел на работу, сержант Моррис уже поджидал меня. О случившемся он узнал от суперинтендента Данна. Данн приказал ему помогать мне. Хвала небесам, подумал я. Кроме того, я нашел у себя на столе аккуратно переписанный Биддлом рапорт.

– Читали, Моррис? – спросил я у сержанта. – Из этого мальчишки еще выйдет настоящий сыщик!

– Читал, мистер Росс, – мрачно ответил Моррис. – Сдается мне, дело очень грязное, весьма неблагоприятное, как сказали бы вы!

– Возможно, вы и правы, сержант. Покойного окружают сплошные загадки. Не в последнюю очередь меня интересует вот что. Каким образом ему удавалось втираться в доверие к почтенным домохозяйкам? Он без труда снимал у них жилье, а последнюю даже убедил дать ему ключ от входной двери, благодаря чему он мог в любое время входить и выходить, не привлекая к себе внимание! К тому же он не представил никаких рекомендаций, кроме письма от прежней квартирной хозяйки. Одевался он бедно и выглядел жалко. Правда, язык у него был подвешен неплохо, все сразу понимали, что он человек образованный. И все же сама миссис Джеймисон подтвердила, что он появился словно ниоткуда, пришел по объявлению, которое она разместила в местной газете. Что из этого следует? Возможно, прежде он жил где-то неподалеку, а может быть, и нет.

– Судя по тому, что вы о нем рассказываете, он, должно быть, поцеловал камень в замке Бларни в Ирландии и получил дар красноречия, – заметил Моррис.

– У нас нет оснований предполагать, что он ирландец, валлиец, шотландец... да, если на то пошло, и англичанин! Нашей почтенной соседке-квакерше он сообщил, что решил вернуться в Лондон, где жил в молодости. Вот и все, что он ей сказал. Она поверила ему на слово. Но это не значит, что мы должны верить всему, что он наговорил. В том числе и его на первый взгляд ограниченными средствами. Тапли ни разу не пытался одолжить у миссис Джеймисон деньги и не просил повременить с платой за жилье. Он довольно много тратил на книги, пусть даже почти все они выглядят подержанными. Каждое утро он ходил завтракать в кофейню, хотя его хозяйка охотно позволила бы ему питаться у себя дома, не беря дополнительной платы. Он сказал ей, что просто любит читать в кофейне газеты. По вечерам он ужинал с ней.

– О чем они говорили за ужином? – спросил Моррис.

Люди, незнакомые с Моррисом, часто недооценивают его, считая недалеким и туповатым. За такую ошибку уже заплатились многие преступники.

– Не знаю, – ответил я. – Но вы совершенно правы. Если он не рассказывал о себе, то о чем он с ней говорил? О религии? Вряд ли. Миссис Джеймисон квакерша, но в комнате Тапли нет ни Библии, ни других религиозных книг. Моррис, придется спросить ее.

– Она квакерша, говорите? – задумчиво спросил Моррис. – Квакеры – они такие. Склонны видеть лучшее в людях.

– Моррис, она не наивная особа. Я с ней говорил. Она производит впечатление женщины умной и трезвой. Тем примечательнее, что она сдала ему две комнаты.

– Я имею в виду другое, сэр, – ответил Моррис. – Сами квакеры в целом люди неплохие, хотя не скрою, и среди них попадаются заблудшие овцы. Поэтому в других они склонны видеть только хорошее. Квакеры считают наш мир обителью греха, с чем не поспорит ни один полицейский! Но они гордятся... правда, не открыто, ведь гордыня – это грех... так вот, они втайне гордятся тем, что видят хорошее в других. Может, ваша вдова-квакерша доверилась Тапли, потому что заметила в нем что-то такое, чего не разглядели другие.

– Хм... что ж, Моррис, буду иметь вашу версию в виду. А теперь пора сходить к суперинтенденту Данну и выяснить, что думает он.

Мнение Данна было предсказуемым. Мне не нужно было даже слушать его, чтобы знать, о чем он думает. Суперинтендент верил в то, что прямая – кратчайшее расстояние между двумя точками. Если Данн уже пришел к определенным выводам, разубедить его бывает трудно.

– Что ж, дело, конечно, грязное. Ужасно, когда почтенного джентльмена убивают в порядочном доме у набожной хозяйки, которая уже приказала подать на стол окорок... Но, с нашей точки зрения, Росс, дело выеденного яйца не стоит. К ним в дом влез грабитель. Тапли его спугнул, а может быть, взломщик сам испугался, наткнувшись на читавшего Тапли. От страха преступник схватил первое попавшееся орудие, скорее всего, принесенное с собой... и убил бедного старика, – заключил Данн с довольным видом. Но поскольку он знал меня так же хорошо, как я знал его, он стал ждать моих возражений.

– Признаков взлома нет, – начал я. – Ни одно окно не было вскрыто.

Данн только отмахнулся от моих слов:

– Значит, преступник незаметно проник в дом через кухню, пока служанка отвернулась, и поднялся по черной лестнице... – Данн постучал пальцем по нарисованному мною плану дома, лежавшему на столе. – Итак, он поднялся на второй этаж по винтовой лестнице. И так же он скрылся после того, как совершил свое гнусное преступление. Надо поискать его среди лондонских домушников, Росс! Начните с того, что допросите всех известных взломщиков.

– Но зачем ему было нападать на Тапли, сэр, если Тапли тихо читал, сидя в кресле, и даже не заметил, как у него за спиной открылась дверь? Зачем крадучись входить в комнату и ударом валить жертву на ковер? В этом не было никакой необходимости, и, откровенно говоря, такой поступок кажется безумным. Кража со взломом совсем не то, что убийство. В нашей стране за кражу больше не вешают, а за убийство – обязательно!

– Росс, взломщики – существа неразумные. Они способны продумать только способ попасть в дом, и ничего больше. Все остальное сводится к их низменным, преступным инстинктам. – Словно желая подкрепить свои доводы, Данн время от времени кивал.

Однако я сдаваться не собирался.

– Обычно взломщики орудуют по ночам или на рассвете, сэр, когда в доме все спят, – заметил я. – Кроме того, опытный вор-домушник не пойдет на второй этаж, где может попасть в ловушку. Он схватит кошелек, оставленный на столе в гостиной, сунет в карман какую-нибудь ценную безделушку и постарается поскорее сбежать!

Данн начал выказывать признаки раздражения.

– Значит, вы хотите сказать, что преступник проник в дом с единственной целью убить безобидного старика? Тапли разменял шестой десяток; целыми днями он сидел в кофейнях, а вечера проводил за чтением. Судя по всему, он получал какой-то скромный доход, позволявший ему не закладывать и не продавать золотые часы. С другой стороны, он не щеголял в новой модной одежде и ничем не мог привлечь грабителей!

– Вы правы, сэр, все выглядит очень странно, – не мог не согласиться я. – И все же в деле пока очень много белых пятен. Жертва, Томас Тапли, – фигура во многом загадочная. Нам пока ничего о нем не известно, как и его квартирной хозяйке.

Данн вздохнул:

– Вы, разумеется, наведете о нем справки и проверите, в самом ли деле мы столкнулись с предумышленным убийством. Дело действительно очень странное. И все же, Росс, не ищите осложнений там, где их нет, и не тратьте напрасно время и силы. У нас в Скотленд-Ярде не хватает ни того ни другого.

– Мне об этом известно, сэр.

– Вашей соседке, миссис Джеймисон, не следовало сдавать комнаты неизвестно кому, – сердито продолжал суперинтендент, потирая ладонями свои жесткие волосы. – С ее стороны это было весьма неблагоприятно. Она напрашивалась на неприятности – возможно, не на убийство, но явно на какие-то затруднения. Она ведь совершенно ничего не знала о своем жилье! Чего ради она пустила его к себе?

– Сержант Моррис считает, что она, возможно, увидела в нем некие хорошие качества, – осторожно ответил я.

Данн только фыркнул в ответ.

– Жаль, что мне не платят по гинее всякий раз, как очередная обманутая женщина рассказывает мне о своих надеждах! Обычно так случается после того, как мошенник истратит все их деньги, сбежит с няней или окажется двоеженцем! Ваша миссис Джеймисон – не первая, кого вот так обманули, – громыхал Данн, – потому что он показал ей письмо от прежней хозяйки, которая живет... где?

– В Саутгемптоне, сэр.

– Портовый город... – задумчиво заметил Данн. – Кажется, оттуда без труда можно попасть во Францию?

– Я уже думал об этом, сэр. Тапли вполне мог прожить несколько лет за границей. В таком случае понятно, почему он не смог представить иных рекомендаций.

– Возможно, он жил за границей, а может быть, сидел в тюрьме или в сумасшедшем доме. Где его рекомендательное письмо? – Данн метнул на меня свирепый взгляд.

– Пока, сэр, у нас ничего нет. В том числе и его ключа от дома, и мне все больше кажется, что ключ унес с собой убийца. Если так, он просчитался. Миссис Джеймисон собиралась утром же позвать слесаря. Однако ключ указывает на то, что преступник намеревался вернуться и найти что-то очень нужное для него. Мы должны его опередить. К сожалению, мы не знаем, что нужно убийце, и понятия не имеем, что искать!

– Тапли наверняка сохранил рекомендательное письмо от прежней квартирной хозяйки. – Данн встал с задумчивым видом и подошел к окну, где и остановился, глядя вдаль, сцепив руки за спиной и покачиваясь на пятках. Его сверкающие, без единой складки сапоги выглядели новенькими. Я невольно отвлекся и подумал, не жмут ли они ему.

Суперинтендент круто развернулся и посмотрел на меня в упор своими маленькими, но пронзительными серыми глазками:

– Росс, найдите письмо от прежней хозяйки! Оно было единственным подлинным рекомендательным письмом, которым располагал покойник. Если он собирался переехать на новую квартиру, он понимал, что письмо снова ему понадобится. Он наверняка сохранил его, помните мое слово. И еще. Найдите его прежнюю хозяйку в Гемпшире. Возможно, она – наша единственная зацепка.

– Сэр, я собираюсь вернуться в дом миссис Джеймисон вместе с Моррисом и еще раз обыскать комнаты Тапли, – ответил я. – Кроме того, я намерен сообщить об убийствах во все газеты. Важно, чтобы о нем стало известно как можно раньше. Я скажу репортерам, что нам необходимо подтвердить личность покойного и что, возможно, жертва какое-то время жила

в Саутгемптоне. Возможно, наша новость вызовет у кого-то интерес. Кроме того, я поручу Биддлу обойти все близлежащие кофейни. Если мы найдем кофейню, в которой Тапли обычно завтракал, его там должны хорошо помнить! Кстати, сэр, Биддл отлично работает. Накануне он действовал выше всяких похвал.

Данн мрачно покосился на меня своими светло-серыми глазками:

– Росс, опыт подсказывает мне, что ваш славный пожилой джентльмен, книгочей, который мухи не обидит, от кого-то или от чего-то скрывался!

То был не первый случай, когда Данн отказывался от ранее усвоенной точки зрения и принимал другую. И все же скорость, с которой он на сей раз изменил свое мнение, смутила меня. Значит, мне уже не нужно допрашивать всех известных взломщиков? Нужно изучить биографию Тапли и искать повод для его убийства. Что дальше? Скорее всего, Данн решит, что с самого начала это было его идеей.

– Есть, сэр! – ответил я.

Я послал констебля в редакции центральных газет и велел позаботиться о том, чтобы известие об убийстве попало в вечерние выпуски. Затем мы с Моррисом поехали на нашу улицу. У миссис Джеймисон работал слесарь, он менял замок в парадной двери. Миссис Джеймисон наблюдала за ним с самым несчастным видом. Я сразу понял, что у нее мало поводов радоваться. Дверь являла собой плачевное зрелище: после того как слесарь извлек старый замок, посередине ее, вокруг только что поставленного нового замка, зияла огромная дыра. Сразу после слесаря ей придется приглашать плотника.

Я объяснил миссис Джеймисон, что, как только работа будет закончена, мы будем ей очень признательны, если она пойдет к нам и несколько часов посидит с моей женой или, может быть, побудет у других знакомых. Нам нужно без помех обыскать дом.

– Вам лучше не оставаться здесь, мадам, – сказал я. – Тогда у нас будут развязаны руки, и мы тщательнее осмотрим две комнаты, которые занимал Тапли. Мне неприятно доставлять вам неудобства, но сейчас я рад возможности видеть вас. Скажите, пожалуйста, когда вы с Тапли ужинали, не рассказывал ли он что-нибудь о себе?

Миссис Джеймисон нехотя отвела взгляд от слесаря.

– Нет, что вы, инспектор, он ничего не рассказывал. Раз уж вы заговорили об этом, он почти ничего мне не говорил... Естественно, я не настаивала!

– Естественно. В таком случае о чем же вы говорили?

Она рассеянно оглядела улицу, как будто надеялась увидеть там нечто, что подхлестнет ее память.

– Мистер Тапли регулярно читал газеты – ни одного дня не пропустил. Должно быть, он брал их в кофейнях или читальнях, потому что никогда не приносил газеты домой. Мы с Дженни непременно бы это заметили... Видите ли, инспектор, я не допускаю в своем доме газет. В газетах печатают совершенно немыслимые репортажи о людях, которые ведут себя самым неподобающим образом. Я бы не хотела, чтобы молодая особа вроде Дженни наткнулась на такой репортаж и прочла его. Девушка в доме, инспектор, – это большая ответственность. Не сомневаюсь, вы меня понимаете, ведь у вас тоже есть служанка.

Миссис Джеймисон не знала Бесси! Запрет читать газеты не помешал бы Бесси слушать сплетни и в особенности самые шокирующие новости. Служанки разработали свою систему оповещения, наподобие телеграфа, и новости в их кругах распространяются со скоростью лесного пожара. Я нисколько не сомневался в том, что Дженни первой узнает все скандальные сплетни и слухи. Моррис был прав. Миссис Джеймисон смотрела на окружающий мир невинными глазами. Дженни наверняка гораздо больше осведомлена о мирских пороках, чем ее хозяйка.

– Итак, – продолжала тем временем миссис Джеймисон, – вечером, если мистер Тапли ужинал со мной, он рассказывал о злободневных событиях, которые, как он считал, могли меня заинтересовать. Наверное, я бы и не знала о том, что происходит в мире, если бы не бедный мистер Тапли. Не поймите меня превратно, он вовсе не говорил со мной о каких-нибудь гнусных убийствах... – Она осеклась и с огорченным видом посмотрела на меня. – Ах, подумать только... ведь теперь пресса ухватится за его убийство!

Я попробовал ее успокоить:

– Но он, может быть, рассказывал вам о международных делах? Или о политике нашего правительства? Я не говорю о скандалах...

– Да, да, вот именно! Более того, он заставил меня понять, в каком прискорбном неведении я пребывала после кончины бедного Эрнеста... – Миссис Джеймисон снова повернулась к слесарю. – Мне будет доставать мистера Тапли... Вы закончили?

Вначале мне показалось, что она хочет выяснить, закончил ли я со своими расспросами, но потом понял, что ее вопрос обращен к слесарю.

– Да, мэм, – с видимым облегчением ответил тот.

– В таком случае вы можете идти. Я зайду к вашему хозяину и оплачу счет.

Слесарь, дюжий малый с коротко стриженными волосами, приготовился уходить, собрал инструменты в холщовую сумку, похоже очень тяжелую.

– Погодите! – окликнул его я и показал на сумку: – Там старый замок?

– Да, сэр... Хозяйке он без надобности, а мистеру Пиклзу может пригодиться.

– Он работает на мистера Пиклза, – сообщила миссис Джеймисон и пояснила: – Мистер Пиклз – член нашего общества.

– Общества? – не понял я.

– Общества друзей¹, инспектор. Он тоже квакер.

– Понятно, – кивнул я. – Но если не возражаете, замок я пока оставлю у себя. Я напишу вам расписку.

Мне показалось, что оба моих собеседника удивились.

– На что вам замок? – спросил слесарь.

– Пока не знаю, – ответил я. – Но вчера, когда прежний замок еще был в двери, в доме совершили преступление. Пока мы не знаем, как именно сюда проник убийца. Возможно, нам придется осмотреть замок.

– Убийца его не взламывал, – сказал слесарь, беря свою сумку. – Этот замок с подвижными вырезами, открыть его можно только ключом. Самый лучший из всех замков, что сейчас продаются, спросите кого угодно.

– Правда? – удивился я.

– Да, – ответил слесарь. – Один тип уверял несколько лет назад, что взломал такой замок, но на это у него ушло немало времени. Кроме того, он работал, когда его никто не видел. То был специальный замок, который компания выставила на всеобщее обозрение в витрине. Они предлагали двести фунтов тому, кто сумеет его взломать. Значит, и они сами считали его очень надежным. Так вот, тот малый в конце концов взломал замок, но провозился несколько недель. И штука в том, что никто не видел, что он с ним делал, понимаете? Даже в компании не поняли, как он это сделал. Может быть, он взламывал замок несколько раз, а может, и нет. Лично я, – продолжал слесарь, – худо-бедно разбираюсь в замках. Так вот, я не взялся бы взламывать замок, который только что вынул из парадной двери этой леди.

– Оставьте его, где был, – приказала миссис Джеймисон, прерывая поток информации, который я нашел весьма интересным.

¹ Официальное название движения квакеров – «Религиозное общество друзей». (Примеч. ред.)

Слесарь пожал плечами, поставил сумку со старым замком на землю и зашагал прочь. Я написал расписку и вручил ее миссис Джеймисон, которая пробормотала:

– По-моему, в этом нет необходимости...

– Мадам, по правилам я обязан дать вам расписку на все, что забираю с места преступления.

Мои слова произвели сильное впечатление на миссис Джеймисон. Она сказала, что проведет день у своей знакомой квакерши. В обмен на расписку она протянула мне адрес своей знакомой, написанный на листке бумаги. Я поблагодарил ее за помощь и терпение. Миссис Джеймисон ушла, захватив с собой Дженни.

Проходя мимо меня, Дженни прошептала:

– Я рада, сэр, что мы уходим на целый день. Мне больше не нравится в этом доме. Прямо мурашки по коже! Я вздрагиваю от каждого шороха... Не представляю, как буду здесь спать. А работать как? Меня то и дело тянет оглянуться через плечо.

Как я и предсказывал, Дженни собиралась в скором времени искать себе другое место, заручившись рекомендацией хозяйки-квакерши.

– Если вы уйдете отсюда в течение следующих нескольких недель, вам придется оставить нам адрес своего нового места, – предупредил я, – на тот случай, если вы нам понадобится.

– Это еще зачем? – возмутилась Дженни.

– Так полагается, – ответил я.

– Если я поступлю на новое место, вряд ли моей хозяйке понравится, что ко мне с самого начала будут являться полицейские! – искренне, хотя и невежливо заметила Дженни.

– В таком случае советую вам, пока не закончится следствие, остаться здесь.

Дженни закатила глаза. Тут ее позвала хозяйка, и девушка, больше не споря, поспешила за ней.

– Она останется по крайней мере еще на несколько недель, – заметил Моррис, слышавший наш разговор. – У нее не будет другого выхода. Все в округе и так знают, что она работает в доме, где произошло убийство. Убийство и на нее бросает тень! Не скоро ее примут на новое место. Придется ей подождать, пока все утихнет.

Дом был к нашим услугам. Мы поднялись на второй этаж, в комнаты Тапли.

– Моррис, мы ищем письмо от его прежней хозяйки из Саутгемптона... Оно должно быть где-то здесь. Суперинтендент справедливо считает, что Тапли наверняка сохранил его. Кроме того, мы ищем пропавший ключ от дома. Скорее всего, его унес убийца, и теперь он для него бесполезен... Но нам нужно убедиться наверняка, что в доме ключа нет.

Мы искали под коврами. Выдвигали ящики письменного стола и проверяли, не приклеено ли что-нибудь к их днищу. В конце концов письмо нашлось там, где его, скорее всего, спрятал сам Тапли: в книжном шкафу. Нам пришлось вытащить все книги по очереди и пролистать их, но мы все же нашли письмо прежней квартирной хозяйки в томике стихов Уильяма Купера. Томик был переплетен в зеленую материю, и я велел себе не забыть вымыть руки перед едой. Мышь теперь реже используется при изготовлении зеленой краски, так как всем известно, что яд способен проникать через кожу. Однако при изготовлении старых переплетов его еще использовали...

Прежнюю хозяйку Тапли звали миссис Холланд, и она жила в Саутгемптоне, в переулке Сент-Майклс. Мистер Томас Тапли квартировал у нее с февраля до конца июля прошлого года. Затем он съехал. Он был превосходным жильцом, не причинял никаких неудобств, платил вовремя и неизменно был вежлив и доброжелателен. Миссис Холланд сожалела о том, что он уезжает.

– Вот видите, – обратился я к Моррису, – здесь то, чего мы и ожидали. Все согласуется с тем, что помнит о письме миссис Джеймисон. И все-таки надо будет известить наших коллег в Саутгемптоне. Попрошу кого-нибудь поговорить с миссис Холланд и выяснить, известно ли

ей, где жил Тапли до того, как поселился у нее, и почему он показался ей таким достойным доверия. По словам миссис Джеймисон, он ни разу не просил у нее взаймы. Возможно, у миссис Холланд найдется что сказать по этому поводу.

– Судя по ее письму, не похоже, – заметил Моррис, мрачно глядя на лист бумаги, который я держал в руке.

– Согласен, не похоже. Но нужно, чтобы она все подтвердила. Помимо всего прочего, в таком случае мы можем почти наверняка утверждать, что у Тапли имелся постоянный источник дохода. Мне необходимо узнать, откуда у него доход.

Однако пропавший ключ от дома нам найти так и не удалось, хотя мы искали очень тщательно. Если ключ унес убийца, скоро он поймет, что сделал это совершенно напрасно. Однако то, что убийца унес ключ, наводило на мысль, что он собирался вернуться. Что он искал и почему мы не нашли в комнатах мистера Тапли никаких личных бумаг?

Мы вернулись в Скотленд-Ярд. Я отправил телеграмму в Саутгемптон, запрашивая сведения о Томасе Тапли, который короткое время проживал в переулке Сент-Майклс. Кроме того, я просил тамошних коллег разыскать его квартирную хозяйку и побеседовать с ней.

Под вечер вернулся Биддл, весь в испарине, со стертymi ногами. Ему пришлось обойти все кофейни на южном берегу Темзы, в окрестностях вокзала Ватерлоо. Кроме того, он перешел на другой берег и обошел несколько кофеен и курительных комнат на Стрэнде и окружающих его улицах. Два дня назад Лиззи встретила с Тапли у моста Ватерлоо; он направлялся на северный берег. Возвращаясь через несколько часов, она снова увидела Тапли. Он шел впереди, направляясь на южный берег, домой. Мне хотелось бы узнать, где он был между этими двумя встречами.

Как ни странно, труды Биддла почти ничего нам не дали. Несколько официантов вроде бы припомнили старичка в потертом сюртуке, который время от времени заходил к ним, но он не был постоянным посетителем. В последнем все официанты были совершенно уверены. Своих постоянных посетителей они знали. Более того, в их заведения заходило довольно много тщедушных, бедно одетых старичков, которые оставляли у них немного мелочи и грелись у очага, читая бесплатную газету. Они не могли быть уверены, что человек, о котором их спрашивал Биддл, принадлежит к их числу.

Те, кому казалось, будто они припоминают Тапли, уверяли, что он разговорчивостью не отличался.

– Джентльмен не из болтливых, – сказал один из них, – разве что отпустит замечание про погоду, как и большинство из них, особенно если на улице дождь. Такие, как он, всегда приходят в дождь и говорят о нем – как будто в Лондоне дождей не бывает. Тапли, говорите? Он читал газеты, пил кофе – или выкуривал сигару – и уходил.

Официанты не помнили, чтобы он здоровался с кем-то или его кто-то окликал, как знакомого. Правда, они не могли поручиться, что человек, о котором они говорят, действительно Тапли.

Только одно объединяло все эти смутные воспоминания: кем бы ни был человек, о котором они говорили, он был не из тех, кто оставляет мелочь на чай официанту. Тех, кто оставлял щедрые чаевые, они запоминали.

– Он то и дело менял квартиры и переходил из одной кофейни в другую, – с горечью сказал я суперинтенденту Данну в конце дня, когда явился доложить о том, что дело пока не двигается с места. – По-моему, он не хотел привлекать к себе внимание или возбуждать лишние вопросы.

– Почему? – просто спросил Данн, разваливаясь на стуле и проводя ладонью по ежику седых волос.

– Либо Томас Тапли не хотел никому о себе рассказывать, либо... либо ему не хотелось оставлять след, по которому его могли найти.

– От кого-то прятался? – задумчиво спросил Данн. – Да, да, как я и говорил, он находился в бегах!

– Все возможно, сэр. Как бы там ни было, – ответил я, – у этого человека была тайна.

– Росс, выясните, что за тайна у него была, – заявил Данн с безмятежной уверенностью человека, которому не нужно выполнять задание самому.

Глава 6

Элизабет Мартин Росс

Вечером я очень долго прождала Бена с работы. В конце концов, сообразив, что все время задремываю в кресле, я легла спать. Рано утром я увидела, что муж спит в том же самом кресле у остывшего камина.

После трудного дня нам с Бесси совершенно не хотелось заниматься домашними делами. Я смотрела вслед Бену, который пошел проводить миссис Джеймисон и Дженни, и гадала, как ему удастся весь день работать, если он почти всю ночь бодрствовал.

Зевающую Бесси я отправила к мяснику за бараньими отбивными. Я предупредила ее, чтобы она не задерживалась там, не сплетничала о том, что случилось накануне ночью, и от мясника шла сразу домой. Сама же я отправилась к кружевнице, чтобы проверить, как она справляется с поручением, что я ей дала: сделать воротник и манжеты, которые, как я надеялась, украсят мое простое платье. По дороге я проходила мимо большого железнодорожного вокзала Ватерлоо. У вокзала всегда очень много народу; я помнила, как важно крепче держать сумочку. Именно потому, что я внимательно оглядывалась по сторонам, на обратном пути от кружевницы я и заметила Угольщика Джоуи.

Мне просто повезло. Джоуи не любит привлекать к себе внимание. Для него чужое внимание почти всегда равносильно неприятностям. Бродяжничество считается преступлением. Но я краем глаза уловила движение – и заметила впереди бегущего мальчишку. Он жался к стенам домов, как крыса или бродячий кот. Его тщедушная, тощая фигурка согнулась едва ли не пополам, чтобы его не заметили лавочники или стражи порядка, которые могли оказаться поблизости. Повинуясь порыву, я окликнула его по имени. Мне показалось, что он вот-вот нырнет в ближайший переулок и исчезнет в лабиринте дворов и переходов, но, услышав мой голос, он остановился и бросил на меня настороженный взгляд.

– Я миссис Росс. Ты меня знаешь, Джоуи! – снова крикнула я и поманила его к себе.

Бесси не одобрила бы моего поведения.

– Миссис, на вашем месте я бы держалась подальше от этого мальчишки, – много раз говорила она мне. – Если будете стоять к нему близко, еще подцепите что-нибудь. У него вши, гниды и стригущий лишай, и воняет от него ужасно!

Она была права, по крайней мере, в том, что касалось запаха. Когда Джоуи бочком приблизился ко мне, меня как будто накрыло зловонной волной. Скорее всего, он не мылся с тех пор, как родился. Его кожу покрывала сплошная серо-бурая корка. Трудно представить, как он выжил во младенчестве или какая несчастная родила его на свет. Он был ребенком и возрастом, и внешностью; однако по своему жизненному опыту он мог быть настоящим стариком. Его тощее тело было укутано в пестрые грязные лохмотья. Он скалил острые, как у дикого зверька, зубы, несколько из которых были выбиты. Когда я впервые узнала, что Джоуи обитает в нашем квартале, я спросила Бена, нельзя ли ему как-то помочь.

– Как, например? – спросил Бен.

– Может, его можно устроить куда-нибудь учеником.

– Его не возьмет к себе ни один ремесленник, – возразил Бен. – Хотя у него подходящее сложение для того, чтобы чистить трубы.

Я невольно вспомнила многочисленные рассказы о несчастных случаях с мальчишками – подручными трубочистов. Бен напомнил мне, что сам он начал свою трудовую жизнь дворовым на шахте в Дербишире.

– Мне приходилось часами ходить, сгорбившись, в темноте и холоде. Я боялся крыс, боялся, что в конце смены обо мне забудут и оставят в шахте навсегда. Если бы не щедрость твоего отца, я бы до сих пор там пропадал и копал уголь.

– Тогда ты должен посочувствовать Джоуи, – возразила я.

– Я и так ему сочувствую, – ответил Бен. – Я дважды ловил его, когда он вылезал из нашего угольного сарая, и не арестовывал за взлом и незаконное проникновение на чужую территорию. Лиззи, в Лондоне полно малолетних бродяжек. Невозможно усыновить их всех.

Так Джоуи получил кличку Угольщик. В холодные, сырые ночи он по привычке заползал в чьи-нибудь сараи или даже в погреб, потому что его тощее тельце без труда пролезало в узкие щели или крошечные окошки. Просто чудо, что на Джоуи до сих пор не обратили внимания домовладельцы и не попытались использовать в своих интересах его таланты! Обычно он уходил с рассветом, и лишь смазанный отпечаток детской ладони или след маленькой ноги в угольной пыли говорил о его присутствии. Он ничего не крал в тех местах, где ночевал. Домовладельцы и служанки только пожимали плечами и говорили: «Да ведь это всего лишь Угольщик Джоуи!» Может быть, со временем он станет легендарной фигурой, как блуждающий огонек, или, став постарше, приобретет репутацию более зловещую, вроде Джека Прыгуна. По словам Бена, в полицию иногда сообщают о том, что видели странное существо по кличке Прыгун...

У меня в корзинке лежали несколько яблок, которые я купила на обратном пути. Я достала одно из корзинки и протянула ему. Джоуи бочком подошел, сверкая глазами. Но, как дикий зверек, он не взял яблоко у меня из руки. Поэтому я положила его на тротуар. Джоуи молниеносно нагнулся, схватил яблоко и, крепко сжимая в кулаке, отступил. Он посмотрел на меня из-под спутанной гривы волос, падавшей на черные глаза, и буркнул: «Спасибо».

– Джоуи, я уже несколько дней тебя не видела, – заметила я.

– За мной охотится старина Батчер, – ответил он на удивление четко и звонко.

– Констебль Батчер?

– Да, но меня он не поймает. Он не умеет бегать. Слишком жирный.

– Джоуи, рано или поздно он все равно тебя схватит. Почему бы тебе не пойти в рабочий дом? Тебя туда примут.

– Не пойду в рабочий дом.

– Тебя будут там кормить!

– Еда у меня есть. – Он показал мне яблоко. – Вот, видите? Мне многие дают хлеб... Я кручусь возле кухонь в ресторанах. Многие повара меня знают. Они дают мне объедки, которые возвращают на кухню из ресторана, – посетители, бывает, оставляют еду! – Джоуи покачал головой от изумления. – Иногда попадается целая картофелина, жир, срезанный с мяса, а на нем еще соус... – Вспоминая об этих сказочных угощениях, мальчик мечтательно прищурился. – Так что никакой рабочий дом мне не нужен! – Помолчав, он вдруг добавил: – А на вашей улице человека убили.

– А, значит, ты уже слышал? – удивилась я.

– Конечно, слышал. Я знаю все, что у вас творится. Говорят, прикончили того маленького старикашку, что жил рядом с вами. – Джоуи выжидательно посмотрел на меня.

Я поняла, что он собирается ответить добром на добро. Я угостила его яблоком. Он хотел выказать свою благодарность – или обеспечить себе мелкие дары в будущем, – предложив мне что-то в ответ.

– Верно. Его звали мистер Тапли. Томас Тапли.

– Как его звали, не знаю, – сказал Джоуи. – Но тот старикашка каждый день ходил гулять, даже в дождь. А зонтик-то весь в дырах... Вот умора!

– Жаль, что ты больше его не увидишь, Джоуи.

– Да ладно, – беспечно отозвался Джоуи и склонил голову набок. – Зато я видел, кто к нему приходил.

Я вздрогнула, но постаралась не выказывать удивления. И все-таки Джоуи заметил, что его слова угодили в цель, и расплылся в довольной улыбке. Он собирался обменять подаренное яблоко на ценные сведения, и ему это удалось.

– Когда к нему кто-то приходил?

– Я не умею различать дней недели, – нехотя признался Джоуи. – Для меня все они похожи друг на друга, кроме воскресений, когда звонят в колокола. А гость к нему приходил дня за три или четыре, а может, и за неделю до того, как его прикончили.

– Гость входил в дом?

Джоуи кивнул:

– Только потихоньку. Его хозяйки тогда не было дома. – Он помолчал, видимо вспоминая, что ему известно о доме миссис Джеймисон. – У ее служанки бесполезно просить еду. Бывает, девушки выносят мне хлеб, если хозяйки рядом нет. Я не про вашу девчонку говорю! – Джоуи презрительно хмыкнул. – У вас служит очень вздорная девица. И та рыжая, что служит в доме, где убили старичка, такая же. Я знал, что к ним на кухню идти бесполезно, все равно у нее ничего не допросишься. Ее хозяйка куда-то ушла, а я остался напротив, в переулке...

– Ну и что? – нетерпеливо спросила я.

– Тогда-то я и увидел, как по улице идет молодой парень. Не очень высокий. В черном сюртуке с таким высоким воротом, и шляпу он надвинул на самые уши, так что она почти скрывала лицо. Но сразу было видно, что он очень молодой. Походка у него такая... Он не переваливался, как старина Батчер, а прямо летел, как перушко...

– Что? Ах, перушко...

– Я и говорю – «перушко», – обиделся Джоуи. – Так мне рассказывать или нет? Он перешел на мою сторону, то есть туда, где я сидел в переулке. Я вжался в стенку и затаил дыхание... По нему видно было, что у него что-то на уме, понимаете? Он остановился почти напротив меня, так близко, что я мог бы дотронуться до него рукой. Он не знал, что я рядом. Стоял и смотрел на дом. Потом старый мистер Тапли, как вы его называете, подошел к окошку на втором этаже и выглянул на улицу. Увидел молодого парня, который смотрел на него, открыл окно и высунулся наружу. Показал на дверь и сделал вот так. – Джоуи приложил к губам грязный палец, изобразив жест, призывающий к молчанию. – Ну, молодой перешел дорогу и поднялся на крыльцо. Ему открыли дверь – я разглядел, что открыл сам старый Тапли, а не рыжая девица. Молодой парень вошел в дом, и Тапли очень быстро и тихо притворил за ним дверь. Он впустил его украдкой, вот что. Не хотел, чтобы кто-нибудь узнал о нем.

Да, похоже на то... Бену интересно будет послушать.

– Джоуи, сколько времени гость пробыл у мистера Тапли?

– Недолго. С полчаса, наверное. Потом Тапли его выпустил, и парень очень быстро зашагал по улице. – Джоуи торжествующе улыбнулся. – А я пошел за ним, потому что мне захотелось узнать, куда он направляется!

– И куда же он направлялся?

Джоуи радостно ухмыльнулся:

– Вот что самое интересное! Он повернул за угол и отправился к реке. А там его поджидала карета – закрытая, очень красивая, а кони были – просто загляденье! Я люблю лошадей, – пояснил Джоуи. – Те кони были уж такие приметные – золотистые, а гривы и хвосты такие... светлые, желтоватые. Наверное, такие кони стоят целую кучу денег!

– Значит, карета была не наемная, – заметила я.

Джоуи кивнул:

– Ни у одного кебмена не бывает таких красивых лошадей и такой красивой новенькой кареты. Та карета блестела, как золотая! Наверное, ее каждый день чистят да полируют. И кучер сидел в богатой ливрее, в цилиндре – все как полагается. Молодой парень, что приходил к старому Тапли, запрыгнул в карету, и они покатили к мосту.

В самом деле, похоже, что речь шла о чем-то тайном и интересном.

– Джоуи, тот молодой человек больше не приезжал к мистеру Тапли?

Мальчишка покачал головой:

– Не знаю, я его больше не видел. И карету тоже не видел, хотя специально высматривал ее. Уж очень мне хотелось полюбоваться на лошадок!

– Джоуи, – серьезно заговорила я, – моему мужу нужно знать все, что ты рассказал. Речь идет об убийстве, и то, что ты рассказал, очень важно. Пожалуйста, приходи сегодня вечером к нам домой и повтори инспектору Россу то же, что сейчас рассказал мне!

Я просила больше того, что стоило яблоко.

– С сыщиками я дела не имею, – решительно ответил Джоуи. – Даже с такими, кто ходит в штатском, вроде вашего старика.

Он круто развернулся и побежал прочь, лавируя в толпе, как угорь среди камней. Вскоре он скрылся из вида.

Я поспешила на нашу улицу, к дому миссис Джеймисон. Судя по испорченной двери вокруг нового замка, слесарь уже закончил свою работу. Но хотя я несколько раз постучала медным дверным молотком, мне не открыли ни Бен, ни сержант Моррис. А ведь Бен говорил мне, что собирался взять с собой Морриса, чтобы обыскать комнаты бедного Тапли. Я даже обошла дом с тыла и заглянула на задний двор, но из живых существ там были только куры миссис Джеймисон, которые клевали червей в своем загончике. Кухонная дверь была закрыта. Заглянув в окно с улицы, я увидела лишь край кухонной плиты. Возможно, Бен и Моррис только что ушли, и я разминулась с ними на несколько минут.

Я оглядела двор. Сюда нетрудно было войти незаметно, как только что сделала я, дожидаясь, пока Дженни выйдет из дому, войти и... сделать что угодно. Но таинственный гость Тапли поступил иначе. Он явно договорился с Тапли заранее и пришел в тот день, когда миссис Джеймисон не было дома. Он ждал на другой стороне улицы, пока хозяйка выйдет. Тапли выглянул в окно, подал знак своему гостю и сам впустил его через парадную дверь. Почему тот гость вошел у всех на виду, а не украдкой, с черного хода, как, видимо, поступил убийца? Наверное, дело в том, что таинственный гость приехал в собственной карете. Ему и в голову не пришло подойти к черному ходу, как будто он слуга или торговец. Он не приехал в наемном экипаже... Молодой гость Тапли наверняка человек со средствами.

Я встряхнулась и напредила себе: Бен обязательно должен узнать, что видел Джоуи, еще до вечера. Оставалось только одно: поймать кеб и ехать в Скотленд-Ярд.

Проще всего нанять экипаж у вокзала, где есть стоянка. Я поспешила туда. Мне нужен был четырехколесный закрытый экипаж, поскольку я была одна, а в открытых кабриолетах без сопровождения разъезжают только дамы сомнительного поведения. К счастью, один четырехколесный экипаж оказался свободен и ждал клиента. Когда я подошла, возница, который оживленно беседовал с другими представителями своей профессии, увидел, что приближается клиент, отделился от группы коллег и направился ко мне. Мы с ним тотчас же узнали друг друга.

– Мистер Слейтер! – вскричала я, увидев изуродованную физиономию бывшего боксера.

– Здравсте! – отозвался кебмен и расплылся в широкой улыбке, обнажившей почти беззубый рот. – Мисс Мартин, чтоб мне лопнуть! Вы чего бегаете по вокзалам? Надеюсь, не покойников ищите? – Он хрипло расхохотался, вспомнив нашу первую встречу, – тогда я только приехала в Лондон².

² См. роман Э. Грэнджер «Убийство в старом доме».

– К сожалению, мистер Слейтер, так оно и есть. Произошло еще одно убийство, и мне нужно как можно скорее попасть в Скотленд-Ярд. Да, кстати, теперь я миссис Росс, а мой муж – инспектор уголовного розыска.

Кебмен неодобрительно покачал головой:

– Вот оно как! Что ж, поздравляю вас с законным браком и надеюсь, что вы будете так же счастливы, как миссис Слейтер и ваш покорный слуга. Хотя муженек-то ваш в уголовной полиции, а? – Он с сожалением покачал головой. – Вы не подумайте, что я удивляюсь. Сколько я вас помню, вы вечно покойниками интересуетесь... Нехорошо это! У всех дам есть какие-то увлечения. Одни цветочки рисуют, другие докучают беднякам своими заботами... Правда, папаша ваш был доктором, так что, наверное, любовь к трупам у вас фамильная. И на злодеев всяких у вас глаз наметан.

– Да, да, мистер Слейтер, вы совершенно правы. Пожалуйста, отвезите меня в Скотленд-Ярд, и как можно скорее! – Мне не пришлось убеждать его в том, что я вовсе не шучу.

– Конечно, отвезу, – ответил Уолли Слейтер. – Полезайте! Вчера я вымыл свой кеб изнутри, там все чисто. Как знал, что вы объявитесь!

Мы добрались до Скотленд-Ярда в рекордный срок. Прежде чем расстаться, Уолли Слейтер пожелал мне удачи в моих делах и выразил надежду, что мы с ним непременно встретимся:

– Как только объявится еще какой-нибудь труп!

Я поспешила внутрь.

– Здравствуйте, миссис Росс! – приветствовал меня молодой констебль. – Инспектор сейчас у суперинтендента Данна. Садитесь и подождите, а я передам ему, что вы пришли, как только он вернется к себе в кабинет.

– Лиззи! – изумленно воскликнул Бен, выходя ко мне через несколько минут. Он тут же насторожился: – Что там еще случилось?

Я рассказала ему о Джоуи и о таинственном госте Тапли.

– Надо непременно найти мальчишку! – произнес Бен и досадливо цокнул языком. – Мы с Моррисом сегодня утром еще раз осмотрели комнаты Тапли. Жаль, что ты меня не застала! Мы бы сразу отправились на то место, где ты встретила Джоуи, и все втроем искали его. Попрошу констебля Батчера или его сменщика выследить мальчишку и поймать его.

– Они Джоуи не поймают, – возразила я. – Стражей порядка он чует издалека! Лучше пусть Бесси поспрашивает других служанок на нашей улице. Они скажут, если Джоуи явится к ним на кухню за обедками. К сожалению, к нам он не приходит, потому что, если меня нет дома, Бесси его прогоняет. И Дженни миссис Джеймисон тоже не привлекает его. Если я дома и вижу его, обычно даю ему что-нибудь из еды. Мне в самом деле хочется как-то помочь ему. Бен, он очень любит лошадей. Из него мог бы выйти неплохой конюх!

– Возможно, он и крутится возле конюшен на постоянных дворах в надежде, что конюхи дадут ему монетку-другую, но сомневаюсь, чтобы ему позволили заботиться о ценных животных. – Бен задумчиво сдвинул черные брови. – Говоришь, он видел «золотистых» коней? Таких нетрудно найти, если только знать, в какой части Лондона искать. Скорее всего, та карета приехала из богатого квартала. Надо попросить тамошних констеблей искать таких коней и сразу же сообщить о них в Скотленд-Ярд.

Бен потянулся и вздохнул. Мне стало его жаль. Вид у него был усталый, а ведь ему еще предстояло целый день работать.

– Будем надеяться, что завтра я получу весточку из Саутгемптона. А может, кто-нибудь откликнется на статью об убийстве в газете... Жилец миссис Джеймисон – таинственная личность, Лиззи, и нам предстоит раскрыть его тайну!

Тут в коридоре послышались тяжелые шаги, и показалась грузная фигура суперинтендента Данна.

– Так-так, миссис Росс! – воскликнул он. – Рад вас видеть!

Он не стал продолжать, но на его лице застыло вопросительное выражение, как будто он хотел спросить, что я делаю в Скотленд-Ярде. Его кустистые брови поднялись к самым волосам.

Бен поспешно рассказал ему о моей встрече с Угольщиком Джоуи.

– Что бы мы без вас делали, миссис Росс! – загрохотал Данн. – Вы снова снабжаете нас ценными сведениями. Очень жаль, что мы не имеем права принимать дам на службу в уголовный розыск. Похоже, они гораздо лучше, чем мужчины, находят ценные улики и ценных свидетелей.

Я отметила про себя, что мне приятнее было выслушивать откровенное мнение Уолли Слейтера, который называл меня странной особой с нездоровыми пристрастиями! Однако я не могла перечить начальнику Бена. И все же его покровительственная улыбочка меня злила.

– Да! – отрывисто ответила я. – Очень жаль, что вы не принимаете женщин на работу в Скотленд-Ярд. Но я искренне надеюсь, что настанет такой день, когда у вас будут служить и женщины.

Не знаю, который из двух моих собеседников смотрел на меня более ошеломленно. Я наградила их лучезарной улыбкой и оставила обсуждать ужасное будущее женщин. Вот и хорошо! Если суперинтенденту Данну нужны лишние доказательства того, что Скотленд-Ярд только выиграет от приема на работу детективов в юбках, я сделаю все от меня зависящее, чтобы он их получил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.